A 199/689

Типо-литографія С. Добродѣева, Ковенскій, собств. д. 14.

2007058066

А 199
589

ИЗДАНІЕ А. Н. ХВОСТОВА.

ПОДАРОКЪ СОЛДАТУ

КЪ 250-Й ГОДОВЩИНѢ

13-ГО ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРСКАГО ЭРИВАНСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

(БЫВШІЙ БУТЫРСКІЙ ПОЛКЪ).

1642 — 1892.

Составилъ того-же полка поручикъ

А. П. АНДРЕЕВЪ.

ВОЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій, собств. д., № 14.

1892.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

За время десятилѣтней службы моей въ одномъ изъ полковъ нашей доблестной арміи, мнѣ часто приходилось дарить солдатамъ разныя книжки, изданныя для народнаго чтенія. Немалое затрудненіе встрѣчалъ я въ выборѣ сочиненій подходящаго содержанія; и зачастую приходилось пріобрѣтать лубочныя московскія изданія, повѣствующія о Бовѣ-королевичѣ, царѣ Салтанѣ, Милитриссѣ-Кирбитьевнѣ и т. п. Для громаднаго большинства солдатъ нашей арміи, имѣвшаго случай обучаться въ народныхъ школахъ, подобныя произведенія утратили свой интересъ, а обнаружился спросъ на сочиненія серьезныя и положительно полезныя.—Желая поддержать духовную связь съ дорогой мнѣ арміей и заполнить существующій пробѣлъ, я предпринялъ изданіе цѣлаго ряда книгъ для солдатскаго чтенія, при чемъ главной задачей себѣ поставилъ ознакомленіе нижнихъ чиновъ съ исторіей ихъ родныхъ полковъ, давая время, отъ времени краткія очерки о полкахъ отъ начала ихъ сформированія до настоящаго времени; для большаго интереса означенныхъ очерковъ въ нихъ войдутъ описанія геройскихъ подвиговъ, легенды, пѣсни, поговорки, анекдоты и проч., а также будутъ прилагаться для большей наглядности пояснительныя рисунки.

Настоящая книжка „Падарокъ солдату“ представляетъ первый опытъ въ моемъ предпріятіи, а потому надѣюсь на безпристрастное къ нему отношеніе. Первая книжка посвящается старѣйшему доблестнѣйшему полку нашей славной арміи, бывшему Бутырскому, нынѣ 13-му Лейбъ-Гренадерскому Эриванскому Его Величества полку, празднующему 29-го іюня сего года 250-ю годовщину своего существованія. Событіе знаменательное, о которомъ должна знать не только вся армія, но и вся Россія, ибо славный полкъ Эриванскій, какъ читатель усмотритъ изъ предлагаемой книжки, составленной А. П. Андреевымъ, заслуживаетъ общественнаго сочувствія и вниманія.

Въ полной увѣренности въ цѣлесообразности предпринятаго мною труда, я надѣюсь, что всѣ тѣ которые близко принимаютъ къ сердцу дѣло образованія народа и вышедшаго изъ его среды солдата, неоткажутъ мнѣ въ своемъ сочувствіи и поддержкѣ. Для желающихъ же доставлять мнѣ матерьялы по задуманному мною дѣлу, считаю не лишнимъ приложить свой адресъ: *С.-Петербургъ, Большая Итальянская, 15. Александру Александровичу Хвостову.*

Дозволено цензурою. Спб. 7 іюня 1892 года.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ (1892) году 13-й Лейбъ-Гренадерскій Эриванскій Его Величества полкъ празднуетъ **двухсотъ-пятидесятую** годовщину своего существованія.

Два съ половиною вѣка тому назадъ (въ 1642 г.), при первомъ Государѣ изъ Царствующаго Дома Романовыхъ,—блаженныя памяти Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ,—основанъ былъ онъ подъ именемъ 2-го Выборнаго Московскаго полка солдатскаго строя, а черезъ 15 лѣтъ сталъ именоваться Бутырскимъ—по мѣсту своего квартированія, подмосковной слободѣ «Бутырки» *).

Въ 1700 г. онъ былъ преобразованъ на новыхъ началахъ великимъ Императоромъ Петромъ Первымъ и получилъ новое имя—Бутырскаго Мушкетерскаго полка, которое и носилъ почти безъ перерыва до 1786 года, неоднократно мѣняя за это время свои квартиры и переходя изъ Москвы въ Смоленскъ (1762 г.), изъ Смоленска въ Симбирскъ (1775 г.), а затѣмъ — въ Воронежъ

*) 1-й Московскій Выборный полкъ, основанный также въ 1642 г., исчезъ въ концѣ 2-й половины прошлаго столѣтія, и исторія до сихъ поръ не находитъ слѣдовъ его.

(1779 г.) и, наконецъ, въ Цимлянскую станицу на Дону. При Екатеринѣ Великой, въ 1786 г., Бутырскій полкъ былъ вновь преобразованъ и вошелъ въ составъ Кубанскаго Егерскаго корпуса, образовавъ въ немъ 1-й и 2-й баталіоны, тогда какъ 3-й и 4-й баталіоны этого корпуса составлены были изъ Селенгинскаго полка, незадолго передъ тѣмъ (въ 1763 г.) сформированнаго въ Сибири изъ людей разныхъ полковъ и рекрутовъ. — Мѣстомъ квартированія и военныхъ дѣйствій Кубанскаго Егерскаго корпуса былъ исключительно Сѣверный Кавказъ, хотя, нужно замѣтить, еще въ 1783 г.,— т. е. до преобразованія въ егерей,—Бутырскому полку пришлось уже принимать участіе въ бояхъ на Кавказѣ при урочищахъ Урай-Илгасы, Керменчикъ и Сарычигеръ и, притомъ,—подъ командою великаго Суворова.

При преемникѣ Екатерины II, Императорѣ Павлѣ I, въ 1797 г., изъ всего Кубанскаго Егерскаго корпуса,— и безъ всякой сторонней примѣси, — образованъ былъ 18-й Егерскій полкъ, который въ слѣдующемъ-же году, по имени своего Шефа, названъ былъ Егерскимъ генералъ-маіора Лазарева полкомъ и подъ этимъ именемъ перешелъ Кавказскій хребетъ и первымъ вступилъ (26 ноября 1799 года) въ Тифлисъ, когда Грузія окончательно признала надъ собой покровительство Россіи.

29 марта 1801 г. Высочайше повелѣно было полку именоваться 17-мъ Егерскимъ, подъ какимъ именемъ онъ и заслужилъ себѣ громкую, наводившую трепетъ на [illegible]говъ, славу въ Закавказьѣ.

[illegible]ти ровно черезъ 15 лѣтъ (а именно—12 февраля [illegible], за отличія въ бояхъ противъ персіянъ, полкъ, [illegible]твѣ доблестнѣйшей части въ Кавказской арміи,

наименованъ былъ 7-мъ Карабинернымъ, а въ 1827 г., за взятіе Эривани,—Эриванскимъ Карабинернымъ. — Около этого-же времени (въ 1825 г.) штабъ-квартирою полка стало урочище Манглисъ Тифлисской губерніи, гдѣ онъ расположенъ и понынѣ.

Въ 1834 году полкъ приведенъ былъ изъ прежняго 3-хъ баталіоннаго состава въ 4-хъ баталіонный, причемъ 3-мъ баталіономъ названъ былъ 2-й баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, тогда же ушедшаго цѣликомъ на укомплектованіе другихъ полковъ; бывшій же 3-й баталіонъ Эриванскаго полка наименованъ былъ 4-мъ.

Вошедшій такимъ образомъ въ составъ Эриванскаго полка, 2-й баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго пользовался весьма хорошей боевой извѣстностью и принесъ съ собою къ своимъ новымъ товарищамъ заслуженные имъ въ персидскую войну 1826—1827 гг. знаки отличія на шапкахъ и серебрянную трубу за турецкую кампанію 1828—1829 гг.

Лишь около 23 лѣтъ просуществовалъ полкъ подъ именемъ Эриванскаго Карабинернаго и въ 1850 г. 14 ноября,—сейчасъ же вслѣдъ за посѣщеніемъ Кавказа нынѣ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ II, въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ Престола,—ему повелѣно было называться впредь Эриванскимъ Карабинернымъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ, при чемъ, въ отданномъ по этому поводу 15 ноября 1850 г. приказѣ въ Эриванскій полкъ, новому Шефу благоугодно было начертать между прочимъ слѣдующія слова:

«Принимая новое назначеніе съ истинною и душевною радостію, Я спѣшу изъявить храброму полку Моему,

сколь Мнѣ лестно и пріятно быть его Шефомъ и, чрезъ то, принадлежать къ войску отдѣльнаго кавказскаго корпуса... Я горжусь славою, пріобрѣтенною постоянною ревностною и усердною службою (полка) и вполнѣ убѣжденъ, что всѣ воинскія доблести въ немъ навсегда твердо укоренены».

Черезъ четыре съ небольшимъ года, когда Высочайшій Шефъ полка вступилъ на престолъ (19 февраля 1855 года), — полкъ получилъ имя Лейбъ-Карабинернаго Эриванскаго Его Величества.

Наконецъ, настоящее свое имя,—13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества,—полкъ имѣетъ съ 17 апрѣля 1856 года.

Ведя, такимъ образомъ, свое происхожденіе, путемъ непрерывной преемственности, отъ старѣйшаго полка русской регулярной арміи — Бутырскаго, основаннаго въ 1642 году, 13-й Лейбъ-Гренадерскій Эриванскій Его Величества полкъ является родоначальникомъ нашей доблестной арміи, старѣйшимъ среди всѣхъ полковъ ея, не исключая и двухъ первыхъ гвардейскихъ полковъ — Преображенскаго и Семеновскаго: обѣ эти части на полстолѣтія моложе Эриванскаго полка и основаны были Петромъ Великимъ по образцу двухъ «старыхъ» полковъ—1-го и 2-го Московскихъ Выборныхъ. Къ тому-же, для образованія кадровъ «новыхъ» полковъ, Петръ взялъ не мало людей изъ обоихъ «старыхъ»—и особенно изъ Бутырскаго, какъ полка, составившаго уже себѣ боевое имя и находившагося подъ начальствомъ руководителя Государя въ военномъ дѣлѣ, извѣстнаго генерала Патрика Гордона.

Что касается до боевой службы полка за 250 лѣтъ его существованія, то онъ всегда являлся достойнымъ

своего перваго мѣста въ нашей побѣдоносной арміи и, не смотря на частую перемѣну имени былъ постоянно вѣрнымъ хранителемъ одного и того-же доблестнаго боеваго духа. Вся исторія его есть длинная цѣпь громкихъ дѣяній, свившихъ ему неувядаемый вѣнокъ славы. Онъ воспиталъ въ рядахъ своихъ сонмъ военныхъ дѣятелей-героевъ и воспитывался самъ въ школѣ такихъ полководцевъ, какъ Петръ Великій, Румянцевъ, Суворовъ, Ципіановъ, Мадатовъ, Паскевичъ, Котляревскій др.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ сформированія, мы видимъ полкъ участвующимъ съ успѣхомъ въ войнѣ съ Польшей (1654—1667 гг.), а затѣмъ—съ турками и татарами (1678 — 1696). Въ продолжительной «Сѣверной» войнѣ со шведами (1700—1721 гг.) полку принадлежитъ одно изъ выдающихся мѣстъ, а знаменитая побѣда при Полтавѣ (1709 г.) показала въ полномъ блескѣ его высокія боевыя качества. Затѣмъ слѣдуютъ: война съ турками (1736—39 гг.); походъ на Рейнъ (1748 г.). Семилѣтняя война съ великимъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II (1756—1763 гг.), война, прибавившая новые лавры въ вѣнокъ доблести и славы Бутырскаго полка (особенно-же—Цорндорфское сраженіе, гдѣ Бутырцы выказали удивительную стойкость и выдержали всѣ атаки лучшей кавалеріи того времени).—При Екатеринѣ II полкъ вновь принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ войнахъ съ турками, и новыя сраженія и побѣды (особенно—Ларга и Кагулъ (1770 г.), гдѣ 23-тысячный корпусъ русскихъ войскъ въ нѣсколько часовъ обращаетъ въ прахъ 150-тысячную турецкую армію) свидѣтельствуютъ, что боевыя доблести неотъемлемы отъ Бутырцевъ.

Съ 1783 года мѣняется для Бутырскаго полка театръ военныхъ дѣйствій и переносится сначала на Сѣверный Кавказъ, а потомъ—въ Закавказье, гдѣ онъ, подъ разными названіями, почти безъ перерывовъ до 1864 г., ведетъ борьбу то съ персіянами, то съ турками, то съ одними, то съ другими горскими племенами. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ сраженій большихъ и малыхъ, всѣхъ крупныхъ и мелкихъ стычекъ, въ которыхъ пришлось ему принимать участіе за это время; ограничусь поэтому указаніемъ лишь однихъ важнѣйшихъ дѣлъ, которыя записаны крупными буквами въ полковой исторіи. Таковы, напримѣръ, взятіе Ганжи (въ 1804 г.), достопамятнѣйшая 23-хъ дневная оборона Карягина съ однимъ батальономъ противъ громадной персидской арміи въ 1805 г., пораженіе персіянъ при Асландузѣ въ 1812 г. и взятіе въ томъ-же году сильной персидской крѣпости Ленкорани; таковы, далѣе, побѣда подъ Елисаветполемъ (1826 г.) во вторую персидскую войну, за которую полкъ получилъ названіе Эриванскаго и «отличіе» на головной уборъ, и рядъ подвиговъ въ турецкую кампанію 1828—1829 гг., которая дала Эриванцамъ серебряныя георгіевскія трубы. Послѣ турецкой кампаніи начинается упорнѣйшая борьба съ дагестанскими горцами, стойкими до дерзости при защитѣ своихъ недоступныхъ ауловъ. Но ничто не можетъ остановить беззавѣтно храбрыхъ карабинеровъ, и они, «сходя съ дождемъ съ горъ», берутъ Гимри (1832 г.), Кюлюли (1842 г.), Элису (1844 г.), Рогнооръ и Кидоро (1845 г.), Салты (1847 г.), Гергебиль (1848 г.) и т. д., и т. д. Всѣ эти дѣла обращали на полкъ особое вниманіе Императора Николая I, о

чемъ свидѣтельствуютъ Его собственноручныя надписи на донесеніяхъ главнокомандующихъ, и воспитывали тѣхъ закаленныхъ людей, тѣхъ «желѣзныхъ карабинеровъ», которые въ новую турецкую войну совершали чудеса храбрости при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ (19 ноября 1853 г.) и Курюкъ-Дара (24 іюля 1854 г.) и тѣмъ завоевали георгіевскія знамена всѣмъ батальонамъ полка.

По окончаніи турецкой кампаніи полкъ обращается опять противъ своихъ прежнихъ враговъ-горцевъ, беретъ аулы Дидо (1857 г.) и Китури (1858 г.) и вообще одерживаетъ вновь рядъ побѣдъ, чѣмъ много способствуетъ покоренію какъ Восточнаго (1859 г.), такъ и Западнаго Кавказа (1864 г.).

Послѣдняя кампанія противъ турокъ (1877—1878 гг.), — равно какъ и походъ въ глубь закаспійскихъ пустынь противъ туркменъ-текинцевъ (1878—1879 гг.), —вновь доказали, что «воинскія доблести твердо укоренены» въ Эриванскомъ полку, а такія громкія дѣла, какъ взятіе Ардагана (1877 г.) и побѣда при Авліарѣ надъ арміею Мухтара-паши (3 окт. 1877 г.) дали вновь 4-му батальону георгіевское знамя (за Ардаганъ) *), а всему полку—георгіевскія петлицы на воротники мундировъ (за всю кампанію).

Завоевавъ, такимъ образомъ, своею доблестной службой всѣ награды, какія только даются отдѣльнымъ частямъ, полкъ имѣетъ счастье пользоваться въ тече-

*) Нужно замѣтить, что при сформированіи Александропольскаго полка изъ Эриванскаго, взятъ былъ 4-й бат., который и унесъ съ собой свое георгіевское знамя. Заново сформированный изъ остальныхъ трехъ батальоновъ Эриванскаго полка, 4-й батальонъ долженъ былъ вновь завоевывать себѣ георгіевское знамя, что и выполнилъ подъ Ардаганомъ.

ніи почти цѣлаго столѣтія особыми Монаршими милостями Императоровъ, Державныхъ Вождей русской арміи, и носитъ уже болѣе сорока лѣтъ имя Августѣйшихъ Шефовъ—сперва Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра II, теперь—благополучно царствующаго Государя Императора Александра III. Многіе годы въ рядахъ его состоятъ Августѣйшія Особы: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ, Александръ Михайловичъ и Алексѣй Михаиловичъ.

Вѣчныя же памяти Императоръ Николай I, «желая увѣковѣчить имя и заслуги побѣдоноснаго воинства» и припоминая происхожденіе Эриванскаго карабинернаго полка «отъ старѣйшаго изъ регулярныхъ полковъ арміи Нашей», въ ознаменованіе подвиговъ въ продолженіе двухъ вѣковъ, Всемилостивѣйше пожаловалъ въ 1842 году 1-му, 2-му и 4-му батальонамъ полка новыя знамена съ надписью «1642—1842» при Высочайшей грамотѣ отъ 25 іюня того же года. Грамота эта, устанавливающая старѣйшинство Эриванскаго полка въ русской арміи *) и вполнѣ оцѣнивающая доблестную службу его, представляетъ собою величайшую святыню, благоговѣйно хранимую въ полку. Привожу ее здѣсь цѣликомъ.

«Нашему Эриванскому Карабинерному полку.

«Родоначальникъ Царствующаго Дома Нашего, великій предокъ Нашъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ 1642

*) Хотя въ нее вкрались нѣкоторыя неточности, выясняемыя нынѣ новой полковой исторіей.

году учредилъ Бутырскій пѣхотный полкъ. Съ того времени полкъ этотъ постоянно отличался мужествомъ и храбростью въ бояхъ съ врагами отечества и стяжалъ неувядаемую славу въ достопамятные дни побѣдъ Полтавской и Кагульской.

«Въ 1784 году Бутырскій полкъ поступилъ на сформированіе Кубанскаго егерскаго корпуса, изъ одной половины коего въ 1796 году образованъ бывшій 16 Егерскій полкъ, а изъ другой—1, 2 и 4 баталіоны Эриванскаго Карабинернаго полка, который славу, Бутырскимъ полкомъ пріобрѣтенную, постоянно поддерживалъ, участвуя въ неоднократныхъ успѣхахъ россійскаго оружія противу турокъ, персіянъ и горскихъ племенъ.

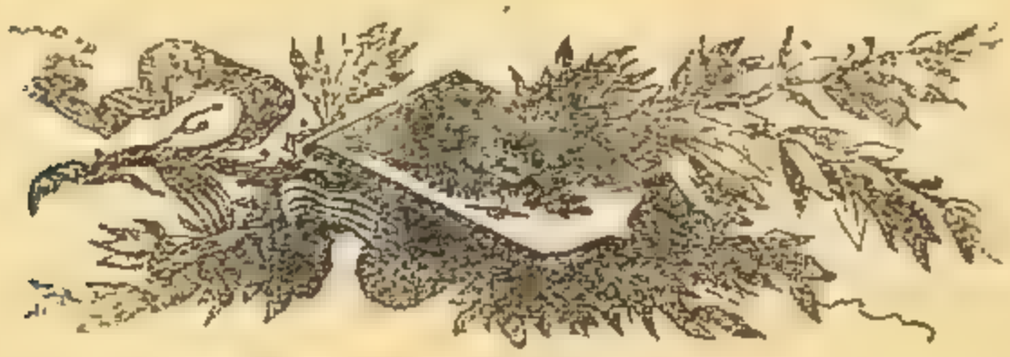
«Нынѣ, когда исполнилось двѣсти лѣтъ со времени основанія Бутырскаго полка, Мы, желая увѣковѣчить ими заслуги побѣдоноснаго воинства, Всемилостивѣйше жалуемъ 1, 2 и 4 баталіонамъ новыя знамена съ надписью 1642—1842, которыя, постоянно ему напоминая честь происхожденія отъ старѣйшаго изъ регулярныхъ полковъ арміи Нашей и подвиги, въ продолженіи двухъ вѣковъ имъ совершенные, возбуждали-бы во всѣхъ чинахъ его рвеніе къ сохраненію сей славы въ дальнѣйшія времена.

«Повелѣвая отправленныя при семъ знамена въ собраніи полка и по прочтеніи Нашей грамоты прибить и освятить по установленію, Мы несомнѣнно увѣрены, что они, осѣняя ряды храбрыхъ и возбуждая ихъ соревнованіе, перенесутъ въ самое отдаленное потомство память о непоколебимой ихъ преданности престолу и отечеству, о славныхъ подвигахъ, на полѣ чести полкомъ совершенныхъ. Петербургъ».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: **Николай.**

Такова въ самыхъ краткихъ чертахъ исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка. Полное же жизнеописаніе его, составляемое нынѣ нашимъ извѣстнымъ военнымъ писателемъ и изслѣдователемъ, генералъ-лейтенантомъ Павломъ Осиповичемъ Бобровскимъ, при особенно ревностномъ содѣйствіи поручиковъ Эриванскаго полка Г. С. Лебединца и Н. А. Шапшіева, роскошно издается обществомъ офицеровъ и представляетъ собою громадный и единственный въ своемъ родѣ трудъ, не имѣющій себѣ соперниковъ какъ у насъ такъ и заграницею. Первая изъ пяти частей исторіи уже появилась въ свѣтъ; остальныя же будутъ отпечатаны въ теченіе настоящаго и слѣдующаго годовъ.

Засимъ, я перехожу къ описанію подвиговъ тѣхъ двухъ героевъ, имена которыхъ названы въ заглавіи книжки. Подвиги эти—одни изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи русскихъ войнъ, а между тѣмъ мало кто знаетъ о нихъ.



ПОЛКОВНИКЪ ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРЯГИНЪ

(Шефъ 17 Егерскаго, нынѣ Эриванскаго, полка).

и подвигъ рядоваго

ГАВРИЛЫ СИДОРОВА.

I.

Причины войны съ Персіей въ 1805 году и приготовленія къ ней.

Дѣйствіе происходило въ 1805 году, черезъ четыре года послѣ окончательнаго присоединенія Грузіи къ Россіи. Въ этомъ году великой Державѣ нашей пришлось столкнуться на Кавказѣ съ новой сосѣдкой своей—Персіей и на сей разъ ужъ съ самимъ повелителемъ ея, а не съ подвластными ему ханами и владѣтелями, какъ было до тѣхъ поръ.

Нужно замѣтить, что шахи Персіи издавна привыкли уже смотрѣть на Грузію, какъ на подвластную имъ страну, и на царей ея, какъ на своихъ данниковъ и даже рабовъ. Но въ концѣ 18-го вѣка обстоятельства сильно измѣнились. Въ 1783 году Грузія по желанію народа ея, истомленнаго и обезсиленнаго борьбою съ врагами—взята была Императрицею Екатериною II подъ покровительство Россіи, а въ 1801

году,—по настоянію грузинскихъ царей и по смерти послѣдняго изъ нихъ Георгія XII,—была окончательно присоединена къ нашему отечеству. Императоръ Александръ I долго противился этому присоединенію, но, наконецъ, долженъ былъ уступить обстоятельствамъ. Въ изданномъ по этому поводу Высочайшемъ манифестѣ отъ 12-го сентября 1801 г. объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что Россія приняла на себя бремя управленія Грузіею «не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи нашей... едино достоинство, единая честь и человѣчество» наложили на нее долгъ, «внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, безопасность и дать каждому защиту закона».

Съ тѣхъ поръ Россія должна была вступить въ упорную и непрерывную борьбу съ многочисленными врагами Грузіи, окружавшими эту послѣднюю со всѣхъ сторонъ. Главными изъ этихъ враговъ были Персія и Турція. Персія особенно ревниво отнеслась къ водворенію Россіи за Кавказскимъ хребтомъ и стала подстрекать подвластныхъ ей владѣтелей ханствъ, лежавшихъ на югъ отъ Грузіи,—какъ-то: Эриванскаго, Карабахскаго, Ганжинскаго и др.,—къ военнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ. Но борьба съ этими ханами была не особенно трудна и весьма быстро пошла къ развязкѣ и подчиненію ихъ Россіи со времени назначенія главноуправляющимъ Грузіею и главнокомандующимъ войсками, расположенными на Кавказѣ, князя Павла Дмитріевича Цицианова. Умный, рѣши-

тельный, не знавшій устали и покоя, горячо преданный Россіи и глубоко понимавшій настоящіе интересы ввѣренной ему страны, князь Циціановъ не щадилъ трудовъ и силъ для умиротворенія Грузіи и закрѣпленія ея за Россіей.

Трудная задача выпала на его долю, но онъ умѣлъ достойно справляться съ нею.

Будучи храбрѣйшимъ генераломъ и однимъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени, князь Павелъ Дмитріевичъ обнаружилъ большія способности и въ дѣлѣ управленія Грузіею. Онъ съумѣлъ въ короткое время привести въ порядокъ дѣла ввѣренной ему страны и внушить должное уваженіе къ имени Россіи сосѣднимъ ханамъ и владѣтелямъ; кто-же изъ нихъ не исполнялъ его предписаній, тѣхъ онъ быстро и рѣшительно, силою оружія, приводилъ къ повиновенію. Языкъ его въ перепискѣ съ этими владѣльцами былъ краткій и суровый,—т. е. именно такой, какой необходимъ въ сношеніяхъ съ восточными народами. Такъ, наприм. одному горскому старшинѣ, участвовавшему въ нападеніи на отрядъ русскихъ войскъ, и затѣмъ прислав-шаго извиненія и увѣренія въ своей преданности, Циціановъ писалъ:

«Какіе мнѣ увѣрительные письма и трактаты дѣлать съ измѣнникомъ и подданнымъ Великаго Государя? Милости не жди никакой: твои дѣла и ты самъ не стоите и мертвой собаки въ подарокъ. Покорность узнается не условіями и трактатами, а исканіемъ милости и прощенія со смиреніемъ. У кого громъ въ рукахъ, тому повелѣвать довлѣетъ, а слабому—повиноваться. Трости свойственно гнуться до земли, а сто-

лѣтнему дубу спойственно видѣть, что и листъ его не пошевелится при ужаснѣйшей бурѣ».

Или горцамъ, дѣлавшимъ нападенія на Грузію, онъ писалъ однажды:

«Я презираю дагестанскихъ мухъ и прошу васъ вспомнить, что можетъ сдѣлать Россія. Сколько разъ дагестанцы отъ русскихъ, зубами своими стискивая землю, испускали духъ свой, въ адъ исходящій! Если заставите меня вынуть мечъ мой, то, увѣряю васъ вѣрою моею, ужъ не возвратитесь вы въ землю, гдѣ родились, гдѣ предки ваши и сродники васъ возрастили».

И всѣ жители Кавказа скоро поняли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и, увѣрились въ томъ, что у Циціанова слово не расходится съ дѣломъ, а угроза тотчасъ-же приводится въ исполненіе.

Такъ, Джеватъ-ханъ Ганжинскій отказался въ 1803 году отъ принятой имъ ранѣе присяги на вѣрноподданство Россіи и дерзкими письмами отвѣчалъ на требованія Циціанова вернуться къ покорности и повиновенію, говоря въ одномъ изъ этихъ высокомѣрныхъ писемъ: «вы гордитесь своими пушками,—и я также, съ помощью Божіею, могу дать отпоръ не меньшими пушками; ваши пушки въ одинъ аршинъ, а мои въ четыре». Но не помогли Джеватъ-хану его длинныя пушки: въ декабрѣ того-же (1803) года русскія войска окружили Ганжу, а въ ночь съ 3 на 4 января 1804 г. взяли ее штурмомъ, причемъ самъ ханъ палъ подъ ударами егерей 17-го Егерскаго полка *), которому,

*) Напомню, что такъ назывался съ 1801 по 1816 г. нынѣшній Эриванскій полкъ.

кстати сказать, принадлежитъ преимущественная слава въ этомъ славномъ дѣлѣ.

Паденіе Ганжи—одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Закавказья *) — произвело громадное впечатлѣніе на всѣхъ окружныхъ хановъ, и почти тотчасъ-же нѣсколько изъ нихъ признали надъ собою покровительство Россіи. Въ числѣ ихъ былъ и Карабахскій ханъ Ибрагимъ, который лично явился къ Циціанову для изъявленія покорности и былъ засимъ Высочайшимъ указомъ принятъ въ русское подданство съ пожалованіемъ чина генералъ-лейтенанта. Въ главные города подчинившихся такимъ образомъ ханствъ были поставлены русскіе отряды, и въ томъ числѣ въ Шушу—главный городъ Карабаха и вмѣстѣ сильную, почти неприступную крѣпость—отправленъ былъ храбрый и умный маіоръ Лисаневичъ съ своимъ 2-мъ баталіономъ 17 Егерскаго полка. «Сей отличной храбрости, усердія къ службѣ и расторопности офицеръ»—какъ отзывался о немъ Циціановъ—умѣлъ очень быстро пріобрѣсти такое довѣріе и вліяніе на Ибрагимъ-хана, что тотъ три раза отсылалъ съ отказомъ пословъ, которыхъ присылалъ Шахъ Баба-ханъ съ упреками за переходъ въ подданство Россіи и съ увѣщаніями вернуться вновь подъ его руку.

Въ другихъ ханствахъ было то-же самое: страхъ, нагнанный Циціановымъ, былъ такъ великъ, что грозные шахскіе фирманы (указы) не только нигдѣ не исполнялись, но даже вездѣ посланцевъ Баба-хана хватали и отправляли къ гладнокомандующему. А въ фирма-

*) Она въ томъ-же 1804 г. была переименована въ Елисаветполь,—нынѣшній губернскій городъ.

пахъ этихъ Шахъ высокомѣрно указывалъ на неудачу, постигшую русскихъ при осадѣ Эривани (въ концѣ 1804 г.)*) и хвастливо объявлялъ, что, наказавъ уже строгимъ образомъ «невѣрныхъ» подъ Эриванью, онъ хочетъ нанести имъ окончательное пораженіе послѣ Навруза (новаго года), когда соберетъ свои несмѣтныя силы, звукъ трубъ которыхъ раздастся не только по всей Грузіи, но и въ Кизлярѣ и даже въ Астрахани.

Но забывалъ Баба-ханъ въ этихъ хвастливыхъ воззваніяхъ, что ему придется имѣть теперь дѣло не съ грузинами, а съ закаленными въ бояхъ русскими войсками, которыя уже успѣли показать себя въ цѣломъ рядѣ блестящихъ дѣлъ; забывалъ онъ также и то, что во главѣ этихъ войскъ стоялъ такой генералъ, какъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, котораго самъ великій Суворовъ ставилъ въ примѣръ своимъ чудо-богатырямъ, заповѣдуя въ одномъ изъ своихъ приказовъ 1794 года «сражаться также, какъ сражается храбрый генералъ, князь Циціановъ», и котораго Екатерина Великая называла «своимъ генераломъ».

Узнавъ о фирманахъ Шаха, главнокомандующій, въ отвѣтъ на нихъ, извѣщалъ Баба-хана о твердомъ намѣреніи Императора Александра возстановить Грузію въ ея древнихъ предѣлахъ и требовалъ отъ него выдачи плѣнныхъ грузинъ, захваченныхъ въ 1804 году, уплаты одного милліона рублей въ вознагражденіе за убытки, понесенные Россіей во время Эриванскаго похода, и возврата 12 пушекъ, еще въ 1795 году, при

---

*) Нашъ полкъ въ этой неуспѣшной, въ силу многихъ неблагопріятныхъ условій, осадѣ участія не принималъ.

разоренiи Тифлиса, захваченныхъ и увезенныхъ предшественникомъ Баба-хана, Ага-Магометъ-ханомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Цицiановъ предлагалъ Шаху дружбу и покровительство Россiи. «Войска моего Государя», писалъ онъ ему при этомъ: «подобны вихрю, который выворачиваетъ изъ земли столѣтнiе дубы, не хотящiе предъ нимъ преклониться, и щадитъ камышъ, до земли нагибающiйся».

Но Баба-ханъ не хотѣлъ внимать голосу разсудка и сталъ собирать близъ своей столицы, Тегерана, огромную армiю, которую и двинулъ весною 1805 года на занятыя русскими ханства, раздѣливъ ее предварительно на двѣ колонны: первая изъ нихъ поступила подъ команду сына Шаха и вмѣстѣ наслѣдника престола Аббасъ-Мирзы, вторую-же Шахъ оставилъ подъ своимъ собственнымъ начальствомъ. Въ обѣихъ колоннахъ, по самому умѣренному разсчету, было никакъ не менѣе 70 тысячъ человѣкъ. Видя себя во главѣ такого большаго войска, повелитель Персiи послалъ Цицiанову требованiе немедленно очистить занятыя имъ ханства, грозя въ противномъ случаѣ отбросить русскихъ за горы. Цицiановъ отвѣтилъ на это требованiе презрительнымъ молчанiемъ. Тогда Аббасъ-Мирза двинулъ свою 40-тысячную рать къ Араксу *), выславъ впередъ 10-тысячный авангардъ подъ начальствомъ сардаря **) Пиръ-Кули-Хана.

Много-ли могъ противопоставить этимъ огромнымъ армiямъ русскiй главнокомандующiй, когда всѣ силы

*) Пограничная рѣка Россiи и Персiи.

**) Т. е. главнокомандующаго.

его въ Закавказьѣ заключались въ 9 трехъ-баталіонныхъ пѣхотныхъ полкахъ, одномъ 5-ти эскадронномъ полку драгунъ, 5 полкахъ казачьихъ и одномъ гарнизонномъ баталіонѣ? И по штатамъ-то число людей по всѣхъ этихъ частяхъ не превышало 15 тысячъ; на самомъ-же дѣлѣ, подъ ружьемъ не было и 8 тысячъ... И въ этой-то горсти людей заключались всѣ оборонительныя и наступательныя средства Циціанова въ Грузіи! Въ довершеніе всего, ждать помощи изъ Россіи было рѣшительно невозможно, такъ какъ нашей родинѣ приходилось тогда собирать всѣ свои вооруженныя силы для борьбы съ другимъ своимъ противникомъ, императоромъ французскимъ Наполеономъ I.

И такъ, князь Павелъ Дмитріевичъ могъ разсчитывать лишь на свои 8 тысячъ и съ ними одними онъ долженъ былъ не только вести борьбу съ внѣшними врагами, но и держать въ повиновеніи только-что подчинившіяся намъ области Закавказья, гдѣ было много недовольныхъ русскимъ владычествомъ и готовыхъ подняться при первомъ удобномъ случаѣ, чтобы удалить русскихъ изъ Грузіи и вернуться къ прежнему положенію вещей, которое позволяло «имъ въ мутной водѣ рыбу ловить». Много-ли, такимъ образомъ, могъ Циціановъ отправить войскъ на югъ противъ персіянъ? Онъ оказался въ состояніи послать непосредственно на встрѣчу врагамъ лишь два небольшихъ отряда, да, чтобы отвлечь вниманіе противника въ другую сторону и раздѣлить его силы, приказалъ генералъ-маіору Завалишину сдѣлать изъ Астрахани Каспійскимъ моремъ нападеніе на Баку, принадлежавшій еще тогда персіянамъ. Но Завалишинъ запоздалъ съ своею вы-

садкой и, такимъ образомъ, вся сила перваго удара противника обрушилась на эти два небольшихъ отряда— или даже, вѣрнѣе сказать, почти исключительно на одинъ изъ нихъ.

Объ одномъ изъ этихъ отрядовъ я уже упоминалъ впереди: это былъ 2-й батальонъ 17-го Егерскаго полка, стоявшій въ Карабахѣ подъ командою маіора Лисаневича; здѣсь было 300 человѣкъ и 3 орудія. Отряду этому поручено было прикрывать Худо-аферинскій мостъ черезъ Араксъ и не пропускать персіянъ въ Карабахъ. Но такъ какъ наступленіе персіянъ началось въ іюнѣ, когда всѣ рѣки кавказскія сильно мелѣютъ, то и на Араксѣ образовалось много бродовъ, которыми и воспользовалась персидская кавалерія для перехода черезъ рѣку. Лисаневичъ не могъ, конечно, дробить свой небольшой отрядъ для воспрепятствованія этимъ переправамъ, да и кавалеріи онъ имѣлъ у себя лишь 200 человѣкъ. Въ силу этого, чтобы не быть отрѣзаннымъ, ему оставалось лишь отступить на Шушу, къ чему его побуждали и настоятельныя просьбы Ибрагимъ-хана. Послѣ успѣшнаго дѣла 11 іюня у Жибраильскихъ садовъ, онъ вступилъ въ самую Шушу, гдѣ и получилъ предписаніе Циціанова поджидать прихода другаго батальона 17-го Егерскаго полка, подъ командой шефа полка, полковника Карягина, для дальнѣйшихъ уже совмѣстныхъ дѣйствій противъ враговъ.

Вслѣдъ за отступавшимъ Лисаневичемъ персидскія войска вторглись внутрь Карабаха и стали опустошать тамошнія поля, въ силу чего Ибрагимъ-ханъ сталъ настойчиво просить Циціанова объ усиленіи войскъ для защиты его народа отъ разоренія; да къ тому-же

главнокомандующій узналъ, что и самъ Аббасъ-Мирза собирается перейти Аракъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ и былъ высланъ на помощь Лисаповичу отрядъ полковника Карягина. Въ составъ этого отряда, кромѣ шефскаго (1-го) баталіона 17 Егерскаго полка въ количествѣ 300 человѣкъ, вошло еще 100 человѣкъ Тифлисскаго мушкетерскаго полка и два небольшихъ орудія. Баталіономъ егерей командовалъ беззавѣтно храбрый маіоръ Котляревскій, а всѣмъ отрядомъ—«посѣдѣвшій подъ ружьемъ» и «равнаго въ храбрости себѣ не имѣющій» *) полковникъ Карягинъ.

Отряду этому предписано было, усиливъ себя частью баталіона Лисановича, остановить стремленіе непріятеля, а затѣмъ и совсѣмъ прогнать его за Аракъ.

Остановить стремленіе непріятеля, а затѣмъ и совсѣмъ прогнать его за Аракъ!..

Неслыханное дѣло: крошечный отрядъ, который при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могъ возрасти до одной тысячи, долженъ былъ удержать и отбросить назадъ 10-тысячный авангардъ, за которымъ сейчасъ-же двигалась 30-тысячная армія, а сзади этой послѣдней готовилась подняться и другая такая-же рать!..

Но князь Павелъ Дмитріевичъ зналъ, кому онъ давалъ такое предписаніе, и зналъ, какихъ людей посылалъ онъ для его выполненія.

То были несравненные молодцы, выросшіе на поляхъ битвъ, закаленные боевою службою, чудо-богатыри, для которыхъ война была не случайностью въ жизни,

---

*) Слова князя Циціанова.

а самою жизнью, которымъ громъ пушекъ былъ лучшею музыкою, а запахъ порохового дыма — самымъ пріятнымъ благоуханіемъ. То были герои древнихъ временъ, вставшіе изъ своихъ могилъ, а во главѣ ихъ стоялъ настоящій богъ войны, храбрѣйшій изъ тѣхъ храбрецовъ, какихъ только когда-либо видѣлъ Кавказъ,—полковникъ Павелъ Михайловичъ Карягинъ; ближайшимъ-же сотрудникомъ его былъ будущій «бичъ Кавказа», достойный воспитанникъ 17 Егерскаго полка, маіоръ Петръ Степановичъ Котляревскій, знаменитѣйшій изъ героевъ Кавказскихъ войнъ.

Эти люди спрашивали при отправленіи въ бой лишь о томъ, гдѣ находится врагъ, а считали его уже послѣ боя—по трупамъ, оставшимся на полѣ сраженія: ихъ дѣло было не справляться о количествѣ враговъ, а побѣждать ихъ, или умирать всѣмъ до послѣдняго на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество.

Понятно поэтому, что Циціанову, достойному вождю подобныхъ чудо-богатырей, и въ голову не приходила мысль о неравенствѣ силъ обѣихъ сторонъ.

II.

Встрѣча у Аскарани и четырехъ-дневный бой.

(Съ 24-го по 27-е іюня).

Получивъ 21-го іюня предписаніе Циціанова идти на помощь Лисаневичу, Карягинъ того-же числа «со всею военною осторожностью» выступилъ изъ Елисаветполя по дорогѣ къ Шушѣ. Но на четвертый день марша, утромъ 24 числа, онъ былъ открытъ непріятельскими

разъѣздами и атакованъ при урочищѣ Кара-Агачъ-Баба густыми полчищами враговъ. То былъ 3-тысячный передовой отрядъ изъ авангарда сардаря Ширъ-Кули-хана. — Карягинъ построилъ свой отрядъ въ карре *) и, отстрѣливаясь на всѣ стороны, продолжалъ свое движеніе къ Шушѣ по трудной гористой дорогѣ, отдѣльныя возвышенія которой занимались высылавшимися впередъ стрѣлками. Шесть часовъ шли такимъ образомъ егеря подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, отбрасывая отъ себя насѣдавшихъ враговъ то залпами цѣлаго карре, то пальбою шедшихъ вокругъ охотниковъ. Наконецъ, прошедши около 14 верстъ и чувствуя сильную усталость, егеря остановились близъ рѣчки Аскарани на встрѣтившемся тутъ, по счастью, татарскомъ кладбищѣ. Карягинъ приказалъ тотчасъ-же окопаться на немъ и разбить лагерь.

Но едва-лишь егеря начали приводить въ исполненіе приказаніе начальника, какъ вдали показались новыя полчища враговъ. То былъ ужъ самъ сардарь Ширъ-Кули-ханъ съ своимъ 10-ти тысячнымъ корпусомъ, лагерь котораго оказался лишь въ 2—3 верстахъ отъ мѣста остановки Карягина. Приблизившись къ русскому лагерю, сардарь сталъ высылать одно полчище за другимъ противъ «невѣрныхъ», чтобы уничтожить, стереть ихъ съ лица земли, но всѣ усплія его были тщетны. Напрасно посылалъ онъ нѣсколько разъ свою кавалерію и пѣхотныя части въ атаку: Карягинъ спокойно и молча поджидалъ враговъ, подпускалъ ихъ на близкое разстояніе и затѣмъ дружнымъ залпомъ изъ

*) Прежній способъ построенія для боя — въ видѣ четырехугольника.

орудій и ружей отбрасывалъ съ громаднымъ уропомъ. Безплодно были всѣ эти атаки, продолжавшіяся 8 часовъ подъ рядъ, такъ какъ ничто не могло поколебать мужества и стойкости горсти храбрецовъ. Лишь къ вечеру, когда уже солнце спустилось къ закату, Пиръ-Кули-Ханъ, видя тщетность своихъ усилій, приказалъ своимъ утомленнымъ и обезкураженнымъ войскамъ отступить отъ укрѣпленія и расположиться кругомъ его, велѣвъ въ то же время устроить на высотахъ, окружавшихъ кладбище, четыре фальконетныхъ батареи *), изъ которыхъ тотчасъ-же открылъ жестокую пальбу.

«Лагерь нашъ», разсказываетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ этомъ доблестномъ походѣ офицеровъ: «похожъ былъ на осажденную крѣпость: ни откуда нельзя было носа показать. Въ особенности-же былъ у насъ большой недостатокъ въ водѣ: къ рѣкѣ можно было еще подходить, но и то съ большой опасностью и только съ одной стороны. Однако, мы не унывали. Бодрость духа, хладнокровіе и неустрашимость начальника отряда и помощника его, чудеснѣйшаго Котляревскаго, поддерживали насъ».

Поддерживала еще осажденныхъ и надежда на помощь со стороны Карабахскаго хана Ибрагима и маіора Лисаневича. Но надежда эта была напрасна: ханъ какъ самъ боялся выйти изъ Шуши, такъ боялся и отпустить отъ себя русскій отрядъ, опасаясь вызвать этимъ общее возстаніе въ своемъ ханствѣ, начало которому уже было положено однимъ изъ сыновей самого

*) Фальконетъ—это небольшое орудіе, стрѣлявшее круглыми ядрами. Нынѣ не употребляется.

Ибрагима, Абулъ-Фетомъ, передавшимся на сторону персіянъ и уже присоединившимся къ авангарду Пиръ-Кули-Хана.

Но отрядъ нашъ еще не зналъ этого и, положивъ на общемъ совѣтѣ поджидать помощи отъ хана, рѣшилъ сильнѣе окопаться на кладбищѣ.

Въ исполненіе этого, за ночь егеря устроили четырехъ-стороннее укрѣпленіе изъ своего обоза, а вокругъ его вырыли глубокій ровъ; мечеть-же, находившуюся въ тылу кладбища, заняли взводомъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Но, по причинѣ этихъ работъ, солдатамъ и офицерамъ, проведшимъ весь день 24 іюня въ непрерывномъ бою съ непріятелемъ, не удалось отдохнуть и ночью...

На слѣдующій день (25-го іюня), съ ранняго утра, начались новыя атаки персіянъ, но онѣ также, какъ и наканунѣ, не приводили ни къ чему. Егеря встрѣчали враговъ дружнымъ огнемъ и преслѣдовали отбитыхъ удачными вылазками. Однако, всѣ эти марши, сраженія,—при отсутствіи достаточнаго отдыха,—вызывали сильное утомленіе у осажденныхъ. Къ тому-же и погода въ эти дни стояла удивительно знойная, и раскаленный воздухъ жегъ лицо и тѣло и вызывалъ сильнѣйшую испарину, а между тѣмъ воды, чтобы утолить томящую жажду, не было подъ руками. При подобныхъ условіяхъ нужно было страшное напряженіе силъ, чтобы продолжать держаться противъ подавлявшаго своею численностью непріятеля. Въ добавокъ къ предыдущему, при всемъ неискусствѣ персидской артиллеріи, выстрѣлы ея начали, наконецъ, приносить отряду существенный вредъ, и все это въ совокупности при-

вело къ тому, что къ вечеру 25-го числа Карягинъ не досчитывался уже цѣлой половины отряда: 33 человѣка было убито и 164 ранено. Въ довершеніе бѣды, самъ начальникъ отряда получилъ двѣ сильныя контузіи—въ голову и грудь и одну рану пулею въ спину; несравненный-же помощникъ его, маіоръ Котляревскій, былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ. Но они не обращали вниманія на эти раны и, не удаляясь ни на минуту отъ валовъ, ободряли своимъ примѣромъ подчиненныхъ, поддерживали этихъ желѣзныхъ людей, которымъ, казалось, ни почемъ были и зной, и жажда, и непрерывный бой съ непріятелемъ, превосходившимъ ихъ своими силами въ 50 разъ...

Къ вечеру того-же числа (25-го іюня) Пиръ-Кули-Ханъ рѣшилъ окончательно отрѣзать русскимъ путь къ водѣ и для этого поставилъ на высотахъ, по другую сторону рѣчки Аскарани, протекавшей вдоль лѣваго фланга ихъ лагеря, 4 сильныхъ фальконетныхъ батареи. Положеніе осажденныхъ становилось отчаяннымъ, такъ какъ брать воду можно было только изъ этой рѣчки. Въ силу этого, Карягинъ рѣшилъ выслать 100 человѣкъ егерей, чтобы овладѣть этими батареями, а если это не удастся, то, по крайней мѣрѣ, заставить персіянъ убрать ихъ оттуда.

Трудное порученіе это дано было тому офицеру-участнику описываемаго похода, на слова котораго я ссылался ужъ раньше *). Вотъ какъ говоритъ онъ объ исполненіи его въ своихъ воспоминаніяхъ.

«Порученіе это возложено было на меня, и я право не могу безъ сердечнаго умиленія вспомнить, что за

*) Фамиліи его, къ великому сожалѣнію, остается неизвѣстной.

чудесные молодцы русскіе солдаты. Побуждать и ободрять ихъ къ храбрости мнѣ не было нужды. Вся рѣчь моя къ нимъ состояла въ нѣсколькихъ словахъ:

— Пойдемъ, ребята, съ Богомъ, перекрестимся и вспомнимъ пословицу: двухъ смертей не бывать, а одной не миновать; умереть-же, вы сами знаете лучше въ бою, чѣмъ въ госпиталѣ. Церковь святая за насъ помолится и родные скажутъ, что мы умерли, какъ подобаетъ православнымъ. Ну, ребята, слушай команду: крестись, впередъ, съ Богомъ!

«Всѣ перекрестились.—Съ быстротою молніи перебѣжали мы разстояніе отъ лагеря до рѣчки, и какъ львы, бросились въ бродъ прямо на непріятельскія батареи. Первая изъ нихъ въ нѣсколько мгновеній была наша,—всѣ бывшіе на ней переколоты штыками. Тотчасъ послѣ этого, не давъ образумиться бывшимъ на второй батареѣ, скомандовалъ я: «впередъ!»—и никто не успѣлъ спастись: всѣ пали подъ штыками нашими. Съ третьею батареею не долго было намъ расправляться,—почти всѣ бѣжали; однако-жъ мы успѣли догнать трехъ человѣкъ, и я тотчасъ-же отправилъ ихъ къ начальнику отряда. Оставшаяся затѣмъ четвертая батарея досталась намъ безъ всякихъ хлопотъ: храбрые непріятели наши просто дали тягу. Такимъ образомъ, 15 фальконетовъ, дѣлавшихъ намъ большой вредъ, менѣе чѣмъ въ полчаса достались намъ безъ всякаго съ нашей стороны урона. Вотъ доказательство, что можетъ сдѣлать горсть отважныхъ, неустрашимыхъ русскихъ чудо-богатырей!»

Исполнивъ такимъ блестящимъ образомъ возложенное на него порученіе, молодецъ-офицеръ послалъ къ

Карягину испросить дальнѣйшихъ приказаній и полковникъ велѣлъ ему разорить батарею, а фальконеты привезти въ лагерь.

Можно представить себѣ, съ какою радостью и гордостью встрѣтили въ лагерѣ храбрецовъ, везшихъ за собою 15 отбитыхъ орудій! Карягинъ и Котляревскій обнимали и благодарили молодца-начальника, а весь отрядъ кричалъ: «ура!» своимъ лихимъ товарищамъ. Восторгъ былъ общій и вполнѣ понятный: такой большой успѣхъ еще болѣе поднималъ духъ осажденныхъ и ихъ вѣру въ свои силы и свою непобѣдимость.

Подвигъ этотъ заслужилъ молодцу-офицеру георгіевскій крестъ, повѣшенный ему на грудь самимъ Циціановымъ. Онъ всегда съ гордостью указывалъ на него при разсказѣ объ этой вылазкѣ и прибавлялъ: «заслужилъ его по статуту».

Но едва въ лагерѣ успѣли успокоиться и немного отдохнуть, какъ надъ лагеремъ занялась заря слѣдующаго дня, для еще болѣе тяжелаго, чѣмъ оба предыдущіе.

Нужно замѣтить, что еще наканунѣ были захвачены егерями въ плѣнъ два персіянина, отъ которыхъ удалось узнать, что на помощь Ширъ-Кули-Хану подошла вся армія Аббасъ-Мирзы, т. е. что силы осаждающихъ возросли съ 10 тыс. по меньшей мѣрѣ вдвое, т. е. до 20 тысячъ! Шахъ-Заде *), по словамъ плѣнныхъ, поджидалъ только прихода своей отставшей тяжелой артиллеріи—съ пушками большаго калибра, чтобы обрушиться на русскихъ со всею массою своихъ силъ.

И дѣйствительно, чуть только поднялось солнце

*) Это значитъ—наслѣдникъ престола.

надъ землей, какъ загрохотали установленныя ночью большія персидскія орудія, а затѣмъ цѣлыя тучи непріятельской кавалеріи ринулись на нашъ лагерь.

Храбрѣйшій начальникъ русскаго отряда не измѣнилъ способа своихъ дѣйствій: подпустивъ атакующихъ на близкую дистанцію, онъ осыпалъ ихъ дождемъ пуль и картечи... Это произвело страшное дѣйствіе: множество труповъ осталось на мѣстѣ, а остальные всадники повернули лошадей и обратились въ бѣгство. Разсерженный такой неудачею, Аббасъ-Мирза послалъ противъ насъ свѣжія войска, но и ихъ встрѣтилъ такой-же дружный отпоръ, отъ котораго они съ большимъ урономъ бѣжали въ свой лагерь.

Такія неудачи привели въ бѣшенство Шахъ-Заде, и онъ сталъ посылать противъ русскаго отряда одну часть за другой, не давая намъ ни минуты отдыха и посылая въ нашъ лагерь, въ промежуткахъ между атаками, тучи ядеръ изъ своихъ тяжелыхъ орудій.

До самаго вечера продолжались эти безпрерывныя атаки и до вечера гремѣла персидская артиллерія, которая, къ счастью, не отличалась особенной мѣткостью и болѣе причиняла вреда укрѣпленію, чѣмъ людямъ.

Только наступившая темнота положила конецъ тому отчаянному напряженію силъ, которое потребовалось отъ храбрецовъ-егерей. Теперь имъ нужно было подкрѣпить свои силы сномъ и ѣдою,—но отдыхать было некогда, такъ какъ необходимо было тотчасъ-же приступить къ поправкѣ валовъ, изрытыхъ непріятельскими ядрами; провіанту-же оставалось очень немного и его приходилось сильно беречь, такъ какъ неизвѣстно было, когда кончится это тяжелое положеніе. Необхо-

димо было, во что-бы то ни стало, пополнить скудные запасы провіанта и достать сѣна для лошадей,—и для этого рѣшено было отправить небольшой отрядъ для фуражировки въ близь лежащія селенія.

И вотъ среди посланныхъ на фуражировку нашлось нѣсколько негодныхъ людей, недостойныхъ носить имя русскихъ солдатъ, которые передались непріятелю, не выдержавъ тягостей похода и боя. Имена ихъ не сохранились, но память заклеймлена позоромъ и презрѣніемъ. Остальные товарищи этихъ измѣнниковъ, тѣ, которые твердо помнили долгъ присяги, были окружены врагами, и часть ихъ пала подъ ударами, а нѣсколько человѣкъ пробилось сквозь непріятеля и возвратилось въ лагерь.

Доблестный отрядъ и его превосходный начальникъ съ грустью и негодованіемъ узнали объ этой измѣнѣ и горевали о томъ, что среди подданныхъ Русскаго Царя нашлись такіе негодные люди... Но дѣлать было нечего—дѣло уже совершилось...

Извѣщенный, вѣроятно, этими презрѣнными людьми о малочисленности русскаго отряда, Аббасъ-Мирза наслѣдующее утро повелъ противъ насъ самыя ожесточенныя атаки и открылъ сильный огонь изъ орудій. Но несравненные храбрецы показали себя тѣми удивительными героями, тѣми людьми съ желѣзной волей, которымъ бѣда и несчастье даютъ еще большія силы, а не отнимаютъ ихъ. Всѣ атаки персіянъ были отброшены русскими съ громаднымъ урономъ, и кучи труповъ у валовъ лагеря свидѣтельствовали о ярости нападавшихъ и о неизмѣнномъ мужествѣ горсти русскихъ чудо-богатырей, рѣшившихъ погибнуть всѣ до послѣдняго, но не дать врагу восторжествовать надъ собою...

По тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ становилось просто отчаяннымъ: 4-хъ суточный почти безпрерывный бой, страшный изнурительный зной, недостатокъ воды и провіанта, отсутствіе отдыха и сна истощили всѣ силы осажденныхъ. Къ тому-же за эти 4 дня изъ 400 храбрецовъ осталось на ногахъ не болѣе одной трети, между тѣмъ какъ силы непріятельской арміи за то-же время возросли до громадной цифры—20 тыс.

Потери русскаго отряда были таковы: убитъ одинъ офицеръ (подпоручикъ Кармазановъ) и 90 нижнихъ чиновъ; ранены были—почти всѣ офицеры (а именно: полковникъ Карягинъ, маіоръ Котляревскій, капитаны—Татаринцевъ, Парфеновъ и Клекинъ, штабсъ-капитанъ Вихляевъ, поручики—Ладинскій, Смагинъ, кн. Тумановъ, Павленко и Кулябко 2-й, подпоручики — Жудковскій и Гудимъ-Левковичъ) и 167 нижнихъ чиновъ. Къ такой громадной потерѣ въ людяхъ присоединился недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ. Наконецъ, надежда на выручку со стороны Ибрагимъ-хана и Циціанова падала совершенно...

Не смотря на такое отчаянное положеніе, присутствіе духа не покидало отрядъ и чувство робости какъ-будто не было знакомо ихъ сердцамъ. Однако, при всемъ томъ оставаться дольше въ занятомъ укрѣпленіи становилось невозможнымъ: еще нѣсколько дней такой осады—и отрядъ растаялъ бы, какъ льдина въ знойный день.

Въ силу этого, полковникъ Карягинъ, по предложенію маіора Котляревскаго, — предложенію, принятому всѣмъ отрядомъ съ единодушнымъ восторгомъ, — рѣшился на смѣлый, едва-ли когда бывалый подвигъ –

пробиться сквозь сильнѣйшаго въ 150 разъ непріятеля, взять съ бою крѣпость, лежавшую на рѣчкѣ Шахъ-Булахъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ настоящей позиціи, и держаться въ ней до послѣдней крайности.

Исполненіе этого отважнаго предпріятія, гдѣ ставилось на карту существованія всего отряда, отнесено было на ночь съ 27 на 28 іюня, и еще до вечера 27 числа Карягинъ писалъ Циціанову слѣдующій рапортъ:

«Поспѣшая донести Вашему Сіятельству сколь можно кратче о прибытіи Аббасъ-Мирзы и послѣднемъ его сраженіи, доношу, что я, дабы не подвергнуть совершенной и очевидной гибели остатокъ отряда, и спасти людей и пушки, предпринялъ твердое рѣшеніе съ отважностью пробиться сквозь многочисленнаго непріятеля, окружившаго со всѣхъ сторонъ; исполняю сіе теперь въ намѣреніи занять на Шахъ-Булакѣ крѣпость и какъ въ отрядѣ весьма мало остается патроновъ и артиллерійскимъ зарядовъ а также невозможно взять болѣе 3-хъ-дневнаго провіанта, потому что всѣ оставшіяся неубитыми казенныя артельныя и офицерскія лошади употреблены подъ свозъ артиллеріи и раненыхъ людей, то смѣю убѣдительнѣйше просить о скорой высылкѣ всего, а особенно провіанта, а также и лекаря съ медикаментами *), въ коемъ я и всѣ раненые имѣютъ великую нужду. Что же случится при отступленіи и занятіи Шахъ-Булахской крѣпости, донести не замедлю вмѣстѣ съ подробнымъ рапортомъ о сраженіи съ Аббасъ-Мирзою».

Князь Циціановъ, находясь въ это время въ Елисаветполѣ, всей душою страдалъ за подвергшійся

*) Лекарствами.

такой отчаянной участи отрядъ, но помочь ему не имѣлъ никакой возможности, такъ какъ въ распоряженіи у него было всего только два неукомплектованныхъ баталіона Тифлисскаго мушкетерскаго полка, и самъ онъ на походѣ могъ подвергнуться такой-же участи, какъ Карягинъ. Въ виду этого, ему приходилось поджидать прихода подкрѣпленій изъ другихъ мѣстъ, а пока—просить убѣдительно Ибрагимъ-хана о доставкѣ провіанта Карагину,—«ибо я только того и опасаюсь», писалъ князь Ибрагиму: «что-бы онъ (Карягинъ) не былъ безъ хлѣба, а противу Баба-хана онъ будетъ стоять и никогда не отдастся, хотябы еще два Баба-хана его окружили,—такъ-то я увѣренъ въ полковникѣ Карягинѣ».

По полученіи же рапорта Карягина отъ 27 іюня князь Циціановъ писалъ ему 1 іюля:

«Сколько ни тревожно и ни ужасно мнѣ извѣстіе отъ васъ въ рапортахъ вашихъ, но въ отчаяніи неслыханномъ прошу васъ подкрѣпить солдатъ уговорами... Прошу Бога подкрѣпить васъ и отъ ранъ послать излѣченіе... Если чудесами Божіими какъ-нибудь вы получите облегченіе отъ участи вашей, для меня страшной, — постарайтесь меня успокоить для того, что мое прискорбіе превышаетъ всякое воображеніе»...

III.

Переходъ въ крѣпость Шахъ-Булахъ и одиннадцати-дневная осада въ ней.

(Съ 28 іюня по 8 іюля).

На большой дорогѣ изъ Елисаветполя въ Шушу, при подножіи утесистаго пригорка, стоитъ каменный замокъ, обнесенный кругомъ каменной-же стѣною съ шестью круглыми башнями. Близъ замка находится небольшой каменный дорбазъ (азіатское строеніе съ куполообразнымъ потолкомъ), подлѣ котораго бьетъ изъ утеса ключъ чистой, но не совсѣмъ здоровой воды. Ключъ этотъ издавна носитъ названіе Шахъ-Булаха, или Шахскаго родника, а отсюда и самый замокъ называется Шахъ-Булахскимъ.

Преданіе говоритъ, что замокъ этотъ построенъ былъ еще знаменитымъ Шахомъ Персіи Надиромъ, по завоеваніи имъ Карабаха въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, а затѣмъ въ немъ жили въ извѣстную пору года Карабахскія ханы. Когда-же Карабахъ обратился окончательно въ русскую область, то Шахъ-Булахскій замокъ, по его положенію на большой дорогѣ, сталъ служить мѣстомъ жительства казаковъ и чапархановъ (ямщиковъ). Въ немъ было нѣсколько покоевъ, которые съ теченіемъ времени запустѣли и стали рушиться, равно какъ и стѣны замка, башни и всѣ его окружныя постройки... Но въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, замокъ этотъ поддерживался въ очень исправномъ видѣ, и представлялъ изъ себя хорошую крѣпость.

Въ эту-то крѣпость и готовился перейти Карягинъ со своимъ отрядомъ.

Приготовленія къ походу были не долги.

Оба орудія приказано было зарядить картечью; для подъема-же ихъ и зарядныхъ ящиковъ рѣшено было употребить всѣхъ уцѣлѣвшихъ до того времени какъ упряжныхъ, такъ и офицерскихъ верховыхъ лошадей. Что касается до отбитыхъ у непріятеля 15 фальконетовъ и ружей, то, за невозможностью взять съ собою, ихъ приказано было зарыть въ землю.

Обозъ-же Карягинъ предусмотрительно велѣлъ оставить на мѣстѣ, не уничтожая его, чтобы отвлечь жаднаго къ грабежу непріятеля и тѣмъ облегчить себѣ движеніе. Съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ былъ отрядъ оставить также и своихъ тяжело-раненыхъ, такъ какъ везти ихъ было не на чѣмъ, а нести на шпеляхъ и такъ приходилось очень многихъ подававшихъ надежду на излеченіе. Наконецъ, всѣ должны были идти пѣшкомъ, кромѣ Карягина, Котляревскаго и еще одного тяжелѣе другихъ раненаго офицера. Положимъ, они всѣ втроемъ, наравнѣ съ другими, отказывались отъ своихъ лошадей и хотѣли отдать ихъ подъ пушки, но остальные офицеры убѣдили ихъ не дѣлать этого и обѣщали сами впрячься въ орудія, если изнуренные кони не будутъ въ состояніи тащить ихъ далѣе.

Что касается до проводника, то, къ своему великому счастью, отрядъ имѣлъ при себѣ вѣрнаго человѣка, преданнаго русскимъ и Карягину до самозабвенія и прекрасно знавшаго мѣстность, гдѣ происходили эти дѣла.

Нужно замѣтить, что за нѣсколько лѣтъ до того Карягинъ оказалъ большое благодѣяніе одному Елисаветпольскому жителю, армянину Мелику Арутину, спасши его семью отъ разоренія и еще отъ какого-то несчастія. Старшій сынъ этого армянина, Аванесъ, всей душой привязался за это къ Карягину и всегда ужъ, при всѣхъ походахъ, безотлучно находился при немъ, помогая всѣмъ, чѣмъ только могъ. Такъ и теперь, прекрасно зная окрестности Аскарани, онъ вызвался провести отрядъ къ Шахъ-Булаху самыми скрытыми мѣстами, и предложеніе его, конечно, было принято съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ отрядъ наступленія ночи. И вотъ, наконецъ, наступила она,—наступила мрачная и темная; темнота была такая, что въ нѣсколькихъ шагахъ невозможно было ничего разобрать...

Тихо, съ величайшей осторожностью, выступилъ отрядъ изъ своего укрѣпленія и двинулся къ Шахъ-Булаху подъ водительствомъ Аванеса Юзбаши (старосты). Темнота покровительствовала отряду, и онъ хотя медленно, но покойно подвигался впередъ. Но черезъ нѣкоторое время движеніе его было все-таки, несмотря на всѣ предосторожности, открыто однимъ изъ непріятельскихъ разъѣздовъ. Онъ завязалъ съ русскими перестрѣлку, и выстрѣлы эти всполошили персидскій лагерь. Аббасъ-Мирза догадался, въ чемъ дѣло, и тотчасъ отправилъ за нами погоню. Черезъ короткое время горсть храбрецовъ была окружена врагами со всѣхъ сторонъ, окружена въ чистомъ полѣ.

Рыча и огрызаясь, какъ дикій звѣрь отъ преслѣдующихъ его собакъ, отрядъ неуклонно двигался по

намѣченному пути, воодушевляемый примѣромъ своихъ начальниковъ. Темнота ночи помогала этому движенію; помогло ему и то знаніе непріятеля, которое обнаружилъ Карягинъ оставивъ въ лагерѣ весь свой обозъ: большая доля враговъ, отправленныхъ въ погоню, предпочла заняться грабежемъ этого имущества, чѣмъ преслѣдованіемъ отступающихъ.

Но Аббасъ-Мирза не дремалъ. Предугадавъ, по направленію нашего движенія, его конечную цѣль, онъ выслалъ второй отрядъ на помощь къ гарнизону, занимавшему Шахъ-Булахъ. Однако — и опять-таки къ нашему великому счастью — начальникъ этого отряда, измѣнившій Россіи, сынъ Карабахскаго хана Абдулъ-Фетъ, почему-то не заблагоразсудилъ исполнять этого приказанія и, далеко еще не дошедши до замка, повернулъ обратно въ лагерь.

Между тѣмъ гарнизонъ Шахъ-Булаха, покоившійся до того глубокимъ сномъ, былъ разбуженъ пушечными выстрѣлами. Часовые подняли крикъ и призывали къ ружью своихъ товарищей. И вотъ, когда Карягинъ на разсвѣтѣ приблизился, наконецъ, къ крѣпости, то предложеніе его о сдачѣ было отвергнуто. Задумываться русскимъ было некогда: сзади спѣшили новыя полчища враговъ, а другія отряды съ боковъ подходили на помощь тѣмъ своимъ товарищамъ, которые занимали лѣски на флангахъ крѣпости. Карягинъ тотчасъ-же далъ залпъ изъ орудій по замковымъ воротамъ и скомандовалъ: «впередъ, ребята, съ Богомъ!» Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ наши штыки сверкали уже на стѣнахъ крѣпости, а другая часть отряда вбѣгала во дворъ черезъ открытыя пушечнымъ

ядромъ ворота. Гарнизонъ обратился въ бѣгство, но 28 человѣкъ легло подъ ударами егерей и въ томъ числѣ два начальника его Эмиръ и Ифіалъ-ханы, родственники и любимцы Аббасъ-Мирзы. Что-же касается до тѣхъ партій персіянъ, которые занимали лѣски съ боковъ замка, то они, не дождавшись еще встрѣчи съ страшными русскими штыками, поспѣшили обратиться въ бѣгство.

Такимъ образомъ, крѣпость быстро была взята штурмомъ и, къ счастью, штурмъ этотъ не стоилъ намъ почти никакихъ потерь; впрочемъ, герой Котляревскій, шедшій впереди всѣхъ, былъ раненъ при этомъ въ руку ружейною картечью.

Каменныя стѣны Шахъ-Булаха и каменный-же замокъ представляли надежную защиту егерямъ и имъ оставалось благодарить Бога за такой счастливый исходъ столь рискованнаго дѣла. Къ тому-же въ крѣпости было найдено нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ и огнестрѣльныхъ снарядовъ и,—что было радостнѣе всего,—20 свѣжихъ здоровыхъ лошадей.

Но едва только егеря успѣли разобраться на новомъ мѣстѣ, какъ персидскія полчища, подъ начальствомъ самого Аббасъ-Мирзы, стали надвигаться со всѣхъ сторонъ и окружать крѣпость: Шахъ-Заде намѣревался взять у русскихъ крѣпость такимъ-же образомъ, какимъ заняли и они ее, т. е. штурмомъ. Однако, кровопролитнѣйшія и безплодныя аттаки быстро напомнили ему, что теперь замокъ занятъ уже не сынами Персіи, а русскими чудо-богатырями. Тогда къ нему вернулось благоразуміе, и онъ рѣшилъ обло-

жить замокъ кругомъ и заставить русскихъ или умереть отъ голода, или сдаться въ плѣнъ.

По отбитіи штурма, Карягинъ приказалъ выстроиться всему отряду, горячо благодарилъ его за новыя подвиги и сосчиталъ всѣхъ, способныхъ еще къ бою. Считая и нѣкоторыхъ легко раненыхъ, оказалось, что число защитниковъ крѣпости не многимъ превышало одну сотню, тогда какъ силы враговъ не уменьшались, а росли день-ото-дня. Но никому изъ нихъ даже въ голову не приходила малодушная мысль о сдачѣ, а если-бы и пришла кому, то этотъ трусъ раньше разстался-бы съ жизнію, чѣмъ успѣлъ высказать ее.

Когда отрядъ былъ распущенъ и немного успокоился, —съ непріятельской стороны прибылъ переговорщикъ. Его прислалъ Аббасъ-Мирза просить о выдачѣ труповъ двухъ вышеуказанныхъ родственниковъ своихъ.

Карягинъ приказалъ отвѣтить, что съ охотою отдастъ ихъ, если ему будутъ возвращены солдаты, измѣнившіе намъ при несчастной фуражировкѣ въ ночь на 27 число. Шахъ-Заде отвѣтилъ на это, что у него нѣтъ никакихъ русскихъ солдатъ, и что всѣ нижніе чины погибли тогда въ бою. Тогда Карягинъ приказалъ исполнить желаніе Аббасъ-Мирзы, но велѣлъ при этомъ сказать, что вѣритъ его словамъ насчетъ солдатъ, такъ какъ у русскихъ существуетъ старинное правило: «кто солжетъ, тому да будетъ стыдно», и онъ, Наслѣдникъ персидскаго престола, не захочетъ, конечно, ставить себя въ такое скверное положеніе.

Этимъ кончились сношенія съ непріятелемъ и началась долгая томительная осада. 11 дней продолжа-

лась она, и 11 дней русскій отрядъ долженъ былъ питаться впроголодь изъ тѣхъ скудныхъ запасовъ, которые удалось принести съ собой изъ прежняго лагеря и захватить при штурмѣ замка.

Но въ теченіи первыхъ-же 4 дней этотъ провіантъ истощился почти до конца, и нашимъ героямъ пришлось питаться въ остальные дни почти исключительно травою да лошадинымъ мясомъ, а жажду свою утолять лошадиною-же кровью.

Какая другая армія можетъ похвалиться такими удивительными подвигами? Какія другія войска, кромѣ русскихъ, не сдались-бы при подобныхъ условіяхъ въ плѣнъ непріятелю?

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствамъ, Аванесъ Юбзаша, оказавшій ужъ громадную услугу отряду въ ночь на 28 іюня, вызвался вновь помочь ему, чѣмъ можетъ. Такъ, онъ предложилъ доставить Ициіанову донесеніе Карягина о всѣхъ послѣднихъ происшествіяхъ а также собрать въ ближайшихъ селеніяхъ сколько-нибудь съѣстныхъ припасовъ и доставить ихъ въ крѣпость.

И, дѣйствительно, въ туже ночь Аванесъ отправился изъ замка съ рапортомъ Карягина и благополучно выполнилъ оба свои обѣщанія. Вотъ какъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ:

«Отрядъ терпѣлъ величайшій недостатокъ въ продовольствіи, ибо, по взятіи замка, съѣстныхъ припасовъ было найдено весьма немного. Бѣдственное положеніе гарнизона возбудило во мнѣ рѣшимость идти въ сел. Касапеты, отстоящее отъ Шахъ-Булаха вер-

стахъ въ 20-ти, гдѣ находился мой домъ и гдѣ я надѣялся найти хлѣба. Ночью, вышедши изъ Шахъ-Булаха, я благополучно прошелъ сквозь персидскія войска и достигъ своего жилища. Въ селеніи никого не было, кромѣ моего отца и брата. Я отправилъ съ братомъ рапортъ Карягина къ Циціанову, а самъ вмѣстѣ съ отцомъ испекъ 40 большихъ хлѣбовъ, набралъ чесноку и другихъ овощей и, присоединивъ еще двухъ убитыхъ барановъ, доставилъ все это на вьючной лошади къ концу слѣдующей ночи въ Шахъ-Булахъ. Карягинъ и Котляревскій раздѣлили этотъ запасъ между солдатами, взявъ для себя порцію, равную съ ними. Удачный опытъ въ доставкѣ мною провіанта побудилъ начальника послать со мною въ слѣдущую ночь офицера и 50 солдатъ съ двумя лошадьми, дабы запастись большимъ количествомъ провіанта. Мы вышли изъ крѣпости ночью, прокрались мимо осаждающихъ, не бывъ ими примѣчены, и уже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ персидскаго лагеря, встрѣтилъ насъ непріятельскій объѣздъ, который мы весь истребили и къ разсвѣту благополучно достигли сел. Касанеты, гдѣ уже мой отецъ смололъ остальной запасъ и напекъ хлѣбовъ. Мы накормили солдатъ и съ ними отправились въ крѣпостцу Джирмунъ, гдѣ скрывались ханскіе армяне. Тутъ я купилъ за 60 червонцевъ 12 штукъ рогатаго скота и въ окрестныхъ селеніяхъ отыскалъ немного вина, фруктовъ, кислаго молока, овощей и два котла; навьючивъ все это на быковъ и лошадей, прибылъ ночью съ отрядомъ въ крѣпость. Персіяне примѣтили насъ только у воротъ Шахъ-Булаха».

Какъ ни велика была услуга Аванеса, но доставленнаго при его посредствѣ провіанта было далеко не достаточно для отряда, и скоро голодъ сталъ вступать въ свои неотразимыя права.

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза, наскучивъ жизнью на бивуакѣ и, видно, потерявъ надежду взять крѣпость въ близкомъ будущемъ, рѣшилъ вернуться въ свой Аскаранскій лагерь, а подъ Шахъ-Булахомъ оставилъ 8-ми-тысячный корпусъ, строго приказавъ его начальнику, Пиръ-Кули-хану, не предпринимать противъ русскаго отряда никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, если не представится къ тому особенной надобности.

Вслѣдъ за этимъ прошло снова нѣсколько дней въ томительномъ бездѣйствіи, но тутъ прибылъ вдругъ отъ Аббасъ-Мирзы новый переговорщикъ. Карягинъ приказалъ впустить его, и Мирза-Ростомъ (такъ звали переговорщика) вручилъ полковнику письмо отъ Шахъ-Заде, предложивъ въ то-же время, по приказанію своего повелителя, вопросъ,—по какой причинѣ русскія занимаютъ персидскія земли?

— «Я долженъ спросить объ этомъ главнокомандующаго», отвѣтилъ Карягинъ: «и только тогда могу дать отвѣтъ, когда получу его повелѣніе. Но такъ какъ мое донесеніе можетъ быть перехвачено персіянами, то если Аббасъ-Мирза желаетъ скораго отвѣта,—пусть сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы мой нарочный не былъ задерживаемъ на персидскихъ постахъ».

5 іюля Аббасъ-Мирза снова прислалъ своего чиновника и фирманъ, повелѣвающій не задерживать

русскаго посланнаго. Карягинъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, и отправляя князю Циціанову письмо наслѣдника персидскаго престола, передалъ нарочному особую записку къ главнокомандующему, писанную на небольшомъ клочкѣ сѣрой бумаги. Записка эта была такого содержанія:

«Смѣю доложить вашему сіятельству—поспѣшайте сюда. Баба-ханъ непремѣнно будетъ въ Аскаранъ въ понедѣльникъ и намѣренъ, оставя для атаки Лисаневича и моего отряда войско, съ тридцатью тысячами идти къ Елисаветполю, что вѣрно извѣстно изъ фирмана его къ сыну. Мой отрядъ отъ провіанта въ крайности совершенной: четыре дня употребляли траву, а теперь, когда у селеній, по лѣсу и вездѣ персидскіе пикеты,—ѣдятъ лошадей».

«Аббасъ-Мирза съ войсками расположенъ недалеко отъ крѣпости и почитаетъ отрядъ мой своимъ, надѣясь и полагая вѣрно, что скоро сдамся. Я же стараюсь не допустить его до формальной осады тѣмъ только, что тогда только могу ему отвѣчать, когда получу отъ васъ повелѣніе. И если ваше сіятельство не поспѣшите, то *отрядъ можетъ погибнуть,—не отъ сдачи, къ коей не приступлю до послѣдней капли крови, но отъ крайности въ провіантѣ*, о которомъ сколько ни писалъ къ Лисаневичу и Ибрагимъ-хану, но ничего не получилъ»...

«Мнѣ отсюда ни шагу сдѣлать нельзя, потому что нѣсколько лошадей изранеыхъ издохло, а нѣкоторыя уже употреблены въ пищу; люди-же всѣ ослабѣвши и словомъ я неподвиженъ»...

По отвѣта отъ главнокомандующаго съ разъясне-

ніемъ причинъ занятія ханствъ русскими войсками все не было, и Аббасъ-Мирза, отъ имени своего отца, прислалъ нашему отряду дерзкое повелѣніе немедсдать крѣпость. Впрочемъ, всему отряду обѣщана была куча милостей за это,—даже предложено было поступить на персидскую службу; Карягина-же Аббасъ-Мирза обѣщалъ просто засыпать наградами...

Храбрѣйшій полковникъ и остальные офицеры отъ души посмѣялись надъ этимъ нахальнымъ предложеніемъ и, конечно, отвергли его съ презрѣніемъ, а вмѣсто того, по общему желанію сторонъ, заключено было перемиріе на четыре дня. Въ теченіе этого срока Аббасъ-Мирза, во вниманіе къ удивительной храбрости отряда и изъ желанія расположить его въ свою пользу, нѣсколько разъ присылалъ ему провіанта, а полковнику Карягину—дичи, настрѣлянной имъ самимъ; для помощи-же раненымъ онъ отправилъ въ Шахъ-Булахъ собственныхъ врачей.

Не кончилось еще 4-дневное перемиріе, какъ Аббасъ-Мирза прислалъ утромъ 8 іюля Наджавъ-Кули-хана объявить Карягину, что будто-бы Елисаветполь уже взятъ персіянами, что Циціановъ отступилъ къ Тифлису и, значитъ, русскому отряду ничего болѣе не остается, какъ согласиться на предложеніе о сдачѣ и поступленіи на персидскую службу.

Все это была выдумка со стороны Шахъ-Заде, думавшаго поймать Карягина на такую нехитрую удочку. Но трудно было провести стараго полковника, посѣдѣвшаго подъ ружьемъ: онъ сразу понялъ уловку врага и даже съумѣлъ извлечь изъ нея выгоду для своего отряда. Онъ велѣлъ передать Аббасу-Мирзѣ, что рус-

скій начальникъ проситъ еще только одинъ день отсрочки, чтобы подумать о предложеніи персіянъ, и обѣщалъ, если въ теченіи этого дня онъ ни откуда не получитъ помощи, сдать отрядъ Наслѣднику Персидскаго престола.

Наджавъ-Кули-Ханъ съ великимъ восторгомъ вернулся въ свой лагерь, и съ неменьшимъ восторгомъ выслушалъ эту пріятную повость самъ Аббасъ-Мирза. Но какъ только переговорщикъ выѣхалъ изъ крѣпости, Карягинъ приказалъ немедленно начать готовиться къ выступленію изъ Шахъ-Булаха этою-же ночью.

Стоять долѣе въ Шахъ-Булахѣ становилось невозможнымъ за недостаткомъ провіанта; да къ тому-же Карягинъ получилъ вѣрныя извѣстія, что на слѣдующій-же день самъ Шахъ Баба-ханъ долженъ присоединиться къ своему сыну, и тогда ужъ русскимъ предстояла вѣрная смерть. Теперь же, когда Аббасъ-Мирза и его войска предались ликованію по поводу обѣщанной имъ на завтра сдачи,—теперь было весьма удобно повторить попытку, сдѣланную уже разъ въ ночь на 28-е іюня, т. е. вновь прорваться сквозь непріятельское кольцо, окружавшее Шахъ-Булахъ, и пройти въ другую крѣпость, представлявшую большее удобство для защиты, чѣмъ эта.

IV.

Движеніе въ Мухратъ.—Геройская смерть Гаврилы Сидорова.—Соединеніе съ Цицiановымъ.

(Съ вечера 8-го по 16-е іюля).

Верстахъ въ 25-ти отъ Шахъ-Булаха, въ гористой мѣстности, на скалахъ расположилась каменная крѣпость Мухратъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ горами, она не могла быть обложена большими отрядами непріятеля и поэтому представлялась гораздо болѣе удобной для защиты, чѣмъ Шахъ-Булахъ, лежащій на ровной мѣстности. Эту-то крѣпость и выбралъ Карягинъ цѣлью своего новаго передвиженія.

Чуть только наступила ночь (съ 8-го на 9-е іюля), геройскій отрядъ, съ величайшей осторожностью и подъ руководствомъ того же Аванеса Юзбаши, выступилъ изъ Шахъ-Булаха съ своими 2 орудіями. Выступилъ, впрочемъ, онъ не весь: 30 человѣкъ должны были остаться въ крѣпости для выполненія очень опасной задачи. Стоя на стѣнахъ крѣпости, на подобіе часовыхъ, они должны были дѣлать обычные оклики, чтобы тѣмъ усыпить вниманіе персіянъ и, такимъ образомъ, устранить возможность подозрѣнія о новомъ отчаянномъ предпріятіи русскихъ.

При малѣйшей оплошности эти 30 человѣкъ могли поплатиться своею жизнью, но, видно, самъ Богъ хранилъ ихъ. Черезъ нѣсколько часовъ, въ теченіи которыхъ въ непріятельскомъ лагерѣ стояла полная тишина, вернулся въ Шахъ-Булахъ Аванесъ Юзбаша, которому удалось уже скрытно и благополучно вывести отрядъ

за предѣлы расположенія персидскихъ войскъ, и тѣмъ-же путемъ привелъ къ нему и этихъ 30 человѣкъ.

Но едва только произошло это соединеніе и отрядъ двинулся дальше, какъ на дорогѣ у него показался большой непріятельскій объѣздъ. Необходимо было очистить путь, — и дружный залпъ егерей разсѣялъ враговъ въ разныя стороны.

Однако, происшествіе это не обѣщало ничего хорошаго. И, дѣйствительно, залпъ этотъ встревожилъ начальника осаднаго корпуса, Пиръ-Кули-хана, и онъ, угадавъ, видно, въ чемъ дѣло, тотчасъ же и почти со всѣми своими войсками бросился преслѣдовать нашъ отрядъ. Но, благодаря темнотѣ ночи и плохому знанію мѣстности, ему не удалось опредѣлить направленія движенія, и онъ попалъ не на ту дорогу, что и дало возможность егерямъ дойти благополучно до Касанетъ, роднаго селенія Аванеса Юзбаши.

Весь этотъ путь отряду пришлось пройти усиленнымъ маршемъ по трудной горной мѣстности. Дорога то пропадала, то вновь появлялась; скалы, обрывы ежеминутно преграждали путь... Впрочемъ, люди, привыкшія уже къ горнымъ походамъ, довольно легко одолѣвали эти препятствія; зато много возни было съ пушками. Хотя орудія эти и были легкія, горныя, но изнуренныя лошади еле тащили ихъ, и солдатамъ приходилось все время то оберегать орудія отъ паденія въ пропасть, то помогать изнемогавшимъ конямъ... Но вотъ встрѣтилось вдругъ неожиданное препятствіе. Въ одномъ мѣстѣ дорога внезапно прерывалась неглубокимъ, но довольно широкимъ рвомъ. Обойти это мѣсто не было никакой возможности: слѣва возвышались страшные

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ СОЛДАТА 17-ГО ЕГЕРСКАГО ПОЛКА, СИДОРОВА, 9-ГО ІЮЛЯ 1805 Г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюня 1892 г

Типографія С. Добродѣева. Ковенскій собств. д. 14.

скалы, а справа открывалась глубокая бездна. Между тѣмъ, строить мостъ для переправы орудій не было ни лѣсу, ни времени. И вотъ тутъ-то русская смѣтливость и отвага показали себя въ полномъ блескѣ.

Въ то время, какъ всѣ стояли въ недоумѣніи передъ этимъ препятствіемъ и не знали, что дѣлать дальше и чѣмъ замѣнить мостъ, рядовому Гаврилѣ Сидорову, батальонному запѣвалѣ и общему любимцу за его неистощимую веселость, пришла прекрасная мысль.

«Ребята, что стоять и задумываться? — крикнулъ онъ товарищамъ:» стоя города не возьмешь! Вотъ что надо сдѣлать. Вы сами знаете, что у русскаго солдата ружье—мать, сестра, жена и любовница, а пушка—солдатская барыня. Ну, такъ надо барынѣ переправиться съ помощью нашихъ матерей, женъ и любовницъ. Понимаете, ребята: на ружьяхъ перевеземъ пушки!

— Да какъ же ты изъ ружей сдѣлаешь мостъ? Откуда возьмешь сваи? возразилъ ему рослый, плечистый солдатъ изъ малороссіянъ.

— А это развѣ не сваи?—отвѣтилъ Сидоровъ, показывая на его плечи. Слушайте же, братцы, команды, — продолжалъ онъ, прыгая въ ровъ: кто молодецъ,—прыгайте ко мнѣ сюда, въ канаву!

Къ нему бросилось человѣкъ десять.

— Ну, ребята, вновь заговорилъ Гаврила: подавай сюда ружья, оставшіяся отъ убитыхъ и раненыхъ; отвязывай ихъ отъ лафетовъ и артельной нашей повозки. Мы ихъ воткнемъ штыками въ землю,—вотъ и будутъ у насъ знатныя сваи для моста; на нихъ положимъ мы свои ружья, вмѣсто настилки моста, и поддержимъ ихъ на своихъ плечахъ.

Тотчасъ же ружья были отвязаны и поданы въ канаву. Ихъ воткнули въ землю штыками.

Ну, теперь, ребята, — сказалъ Сидоровъ тѣмъ, кто былъ съ нимъ въ канавѣ: отмыкай штыки отъ своихъ ружей; клади плотнѣе ихъ на плечи, а вы отпрягай скорѣе лошадей и на рукахъ, чрезъ наши плечи и ружья провези живѣе пушки!

Все это въ нѣсколько мгновеній было исполнено, такъ что никто изъ офицеровъ не успѣлъ сдѣлать никакого возраженія противъ столь неслыханной и отважной переправы. Конечно, пушки были легкія, горныя, да и ровъ былъ не слишкомъ широкъ; но за всѣмъ тѣмъ перевезти ихъ по плечамъ солдатскимъ не могло-бы никому прійти въ голову. Мелькнувшая балагуру нашему мысль или, лучше сказать, вдохновеніе было внезапно и неожиданно, и никто не подумалъ о послѣдствіяхъ. Первая пушка разомъ перелетѣла по молодецкимъ плечамъ.

— Ай да хватъ, ай да удалецъ! сказалъ командиръ той роты, въ которой служилъ Сидоровъ: ну ужъ теперь никому не позволю называть тебя Гаврило — свиное рыло! (За это прозвище балагуръ, — быть можетъ, и взаправду, а вѣрнѣе—шутки ради,— такъ сердился, что готовъ былъ ругаться не только съ товарищами, а даже съ офицерами).

— То-то, ваше благородіе, отвѣтилъ Сидоровъ изъ рва: «насилу за умъ взялись: хотите защищать Гаврилу Сидоровича!

— Ну, живѣй, ребята! крикнулъ капитанъ: отпрягай лошадей и дружно запѣвай:

„А ужъ нѣтъ у насъ такого молодца
Какъ Гаврилы-то Сидоровича“.

— Авось и другая пушка также лихо переправится, какъ первая.

Всѣ запѣли и дружно бросились перетаскивать на рукахъ пушку, но отъ излишней поспѣшности и неосторожности одно колесо не попало на ружья и со всего размаху соскочило на голову Сидорову и ударило его прямо въ високъ. Онъ упалъ, вздохнувъ нѣсколько разъ, и только успѣлъ сказать:

— Прощайте, братцы, но поминайте лихомъ и помолитесь за меня грѣшнаго.

Многіе офицеры бросились въ канаву помогать ему. Соскочившее колесо стянули съ его головы, поставили на ружья, и пушка въ туже минуту была переправлена на другой берегъ. Героя Сидорова на рукахъ вытащили изъ рва, но онъ былъ уже мертвъ.

Очень и очень была тягостна потеря такого славнаго и умнаго солдата, но задумываться было некогда. Тотчасъ-же заставили перепрыгнуть черезъ ровъ артиллерійскихъ лошадей, причемъ одна изъ нихъ оборвалась, упала въ канаву и сломала себѣ ногу, и вслѣдъ за симъ на другомъ берегу приготовили орудія къ дальнѣйшему движенію.

Между тѣмъ Карягинъ приказалъ вырыть могилу; офицеры на рукахъ перенесли тѣло Гаврилы и опустили въ могилу. Но прежде Карягинъ перекрестилъ его и громко сказалъ:

— Прощай, истинно православный, русскій человѣкъ, вѣрный царскій слуга. Да будетъ тебѣ вѣчная память!

Офицеры поклонились его могилѣ и многіе изъ солдатъ съ глазами, полными слезъ, говорили ему:

— Прощай, братъ Гаврила Сидоровичъ, моли Бога о насъ.

Заспмъ, хотя уже все было готово для дальнѣйшаго пути, Карягинъ до тѣхъ поръ не тронулся съ мѣста, пока отрядный врачъ не осмотрѣлъ плечъ тѣхъ солдатъ, которые вмѣстѣ съ покойнымъ взялись составить изъ себя мостъ для переправы пушекъ; у нихъ были синія пятна, а у другихъ даже никакихъ знаковъ не оказалось: такъ быстро перелетѣли пушки.

Такимъ образомъ разсказываетъ объ этомъ чудесномъ подвигѣ Сидорова офицеръ-очевидецъ.

Подвигъ этотъ дѣлаетъ понятнымъ для насъ, въ чемъ заключалась тайна успѣховъ Карягина и всѣхъ другихъ военныхъ начальниковъ на Кавказѣ. Съ такими чудо-богатырями, съ такими беззавѣтно храбрыми и упорно-стойкими людьми, какъ русскіе солдаты, нѣтъ невозможнаго дѣла, нѣтъ предпріятія, которое нельзя было-бы выполнить!

Подошедши къ Касанетамъ къ утру 9-го числа, Карягинъ рѣшилъ тутъ пріостановиться, немного отдохнуть, а маіору Котляревскому приказалъ, забравъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ и положивъ ихъ на кое-какъ собранныя повозки, идти возможно скорѣе къ Мухрату и занять его, во что-бы то ни стало.

Но едва Карягинъ успѣлъ, послѣ высылки Котляревскаго, расположиться въ садахъ Касанетъ, какъ на него ужъ налетѣли персидскія полчища подъ начальствомъ самого Аббасъ-Мирзы. Натискъ ихъ былъ такъ

стремительнъ и силы настолько превосходили наши, что они успѣли было захватить объ пушки, которыя стоили отряду такой большой потери. Увидѣвъ это несчастье, Карягинъ крикнулъ:

— Впередъ ребята, впередъ, спасайте пушки!

Егеря, какъ львы, бросились на враговъ, и ихъ молодецкіе штыки мигомъ разбросали персіянъ прочь отъ орудій. Такимъ образомъ, честь наша была спасена, но силы непріятельскія все увеличивались, и Карягинъ скоро увидѣлъ прямую невозможность держаться долѣе въ Касанетахъ. И вотъ началось геройское отступленіе. Егеря отходили шагъ за шагомъ, пользуясь каждымъ камнемъ, каждымъ рвомъ для того, чтобы задерживать насѣдавшаго непріятеля. Много было тутъ работы и пулѣ-дурѣ и штыку-молодцу и особенно послѣднему...

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза, догадавшись или узнавъ отъ своихъ шпіоновъ о конечной цѣли движенія русскаго отряда, послалъ большую партію своихъ войскъ съ приказаніемъ перерѣзать дорогу русскимъ и помѣшать занятію Мухрата.

И, дѣйствительно, партіи этой удалось пересѣчь путь Котляревскому и, вѣроятно, очень худо пришлось-бы нашимъ молодцамъ, еслибы ими не командовалъ такой чудеснѣйшій храбрецъ, какъ Петръ Степановичъ. Не смотря на слабость отъ потери крови и страданія отъ ранъ, онъ первый бросился на враговъ; за нимъ послѣдовали всѣ, кто только могъ держать ружье въ рукахъ. Персіяне не выдержали такого стремительнаго натиска и обратились въ бѣгство, такъ что Котляревскій, торжествуя новую побѣду, благополучно

вступилъ въ Мухратъ. Къ вечеру подошелъ туда и самъ Карягинъ, всю дорогу отбивавшійся отъ упорно насѣдавшаго врага.

Когда же, такимъ образомъ, весь отрядъ соединился въ Мухратѣ,—Аббасъ-Мирза, видно, сразу отложилъ всякую надежду на успѣхъ и, не дожидаясь еще наступленія ночи, ушелъ обратно на Аскарань, оставивъ на Каро-Керпи (Черный Мостъ) около двухъ тысячъ персіянъ сторожить ту крохотную горсть русскихъ героевъ, которая занимала теперь Мухратъ. Въ этой крѣпости отрядъ могъ, наконецъ, свободно вздохнуть. Осады они уже теперь не боялись—особенно въ виду того, что постоянный благодѣтель отряда Аванесъ-Юзбаша, благодаря своей ловкости и знанію мѣстности, доставлялъ все время храбрецамъ хотя и скудный, но достаточный для существованія запасъ провіанта. Черезъ нѣсколько-же дней, при посредствѣ брата Юзбаши, получено было два предписанія главнокомандующаго Карягину. При одномъ изъ этихъ предписаній князь Циціановъ приложилъ и собственноручный отвѣтъ Аббасу-Мирзѣ на его вопросъ о томъ, зачѣмъ русскіе занимаютъ персидскія земли. Князь приказывалъ отвѣтъ этотъ послать Шахъ-Заде какъ-бы отъ лица самого Карягина.

Вотъ онъ:

«Никогда въ просвѣщенныхъ и извѣстныхъ царствахъ чужаго государства чиновнику повелѣній не пишутъ, но, не смотря на сіе, отвѣчаю вамъ, по повелѣнію главнокомандующаго отъ Каспійскаго моря до Чернаго, генерала отъ инфантеріи и разныхъ орденовъ кавалера, князя Павла Дмитріевича Циціанова,

на вопросъ, сдѣланный мнѣ Мирзою Ростомомъ: за что мы земли ваши занимаемъ? Ни я, ни самъ главнокомандующій и главноуправляющій Грузіею вамъ на сіе отвѣта дать не можемъ. А такъ какъ всякій генералъ долженъ свято исполнять священную волю своего государя, то и главноуправляющій Грузіею исполнитъ повелѣніе Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя Государей и Богомъ вознесеннаго Великаго Императора, который положилъ границею Россійской Имперіи Аракъ и Куру. Въ письмѣ своемъ изволите писать, что родитель вашъ ко мнѣ милость имѣетъ, а я вамъ имѣю честь объявить, что, воюя съ непріятелемъ, милости отъ него не ищутъ, кромѣ измѣнниковъ; я-же, посѣдѣвши подъ ружьемъ, за счастье сочту пролить кровь мою на службѣ Его Императорскаго Величества».

Въ предписаніи Карягину, при которомъ приложенъ былъ этотъ отвѣтъ, Циціановъ говорилъ между прочимъ:

«Сколько больно мнѣ, столько и отчаянья о вашемъ положеніи; молю Бога поддержать и укрѣпить васъ».

Предписаніе это было уже опоздавшимъ, ибо за данное время Карягинъ успѣлъ перейти въ Мухратъ, и Циціановъ своимъ вторымъ предписаніемъ извѣщалъ о полученіи рапорта полковника отъ 9-го числа.

«Съ одной стороны съ безмѣрною радостью», писалъ князь: «получилъ я вашъ рапортъ отъ 9-го числа сего мѣсяца, извѣщающій меня, что вы пробились въ безопасное мѣсто и въ такое, гдѣ лучше продовольствоваться можете, хотя переходъ этотъ и дорого стоилъ; съ другой стороны не знаю, какъ я вамъ все то доставлю, что везу для васъ... Для сближенія съ вами я

намѣренъ остановиться за Тертерою *) при разореной деревнѣ Мардашти».

Туда долженъ былъ подойти къ нему и остатокъ доблестнаго отряда Карягина.

Въ то время, какъ Карягинъ завладѣлъ уже Мухратомъ, кн. Цициановъ готовился выступить къ нему на помощь. До 11 іюля долженъ былъ онъ откладывать свой выходъ изъ Елисаветполя, такъ какъ только лишь 10 подошелъ изъ Тифлиса неполный батальонъ Севастопольскаго мушкетерскаго полка, и съ нимъ 6 ротъ 9-го Егерскаго полка и нѣсколько сотенъ Донскихъ и линейныхъ казаковъ. Благоразуміе повелѣвало Цицианову подождать еще новыхъ подкрѣпленій, такъ какъ за это время онъ получилъ извѣстіе о томъ, что самъ Баба-ханъ перешелъ уже Аракъ съ остальными войсками, но ждать болѣе онъ былъ уже не въ состояніи и 11 іюля выступилъ съ 1578 пѣхотинцами и 416 казаками на выручку Карягина и вмѣстѣ—для освобожденія Карабаха отъ персидскихъ полчищъ.

Отрядъ шелъ безъ роздыховъ, но не могъ дѣлать большихъ переходовъ по необычайнымъ жарамъ, отъ которыхъ ежедневно занемогало по 5—6 человѣкъ, хотя людямъ приказано было снять галстухи, тесаки и растегнуть мундиры. Три дня движеніе совершалось безъ всякихъ приключеній, но на 4-й (14-го іюля), по приближеніи къ рѣкѣ Тертеръ, произошла встрѣча и схватка казаковъ съ большой партіей персидской конницы, выжигавшей зерновыя поля.

---

*) Рѣка.

Схватка эта стоила главнокомандующему 20 человѣкъ, но зато персіяне отступили.

Къ вечеру 15-го числа Цицiановъ подошелъ, наконецъ, къ деревнѣ Мардашти, у которой долженъ былъ присоединиться къ нему Карягинъ, и здѣсь онъ приказалъ расположиться на двухдневный роздыхъ.

И вотъ, наконецъ, послѣ 23 дней страданій, голодовокъ, безпрерывныхъ боевъ, взятія двухъ крѣпостей, остатокъ геройскаго отряда присоединился утромъ 16-го іюля къ своимъ спасителямъ.

То была радостнѣйшая и блистательнѣйшая встрѣча, то былъ свѣтлый праздникъ для изнуренныхъ героевъ-богатырей.

Когда вдали показался остатокъ храбрѣйшаго отряда, Цицiановъ приказалъ своимъ войскамъ, одѣтымъ въ парадную форму, выстроиться развернутымъ фронтомъ; когда-же герои достаточно приблизились, самъ князь Павелъ Дмитріевичъ скомандовалъ своимъ людямъ «на караулъ!» И тотчасъ по рядамъ загремѣло «ура!», барабаны забили походъ и знамена преклонились передъ проходившими чудо-богатырями. Когда-же отрядъ Карягина остановился и повернулся фронтомъ къ своимъ избавителямъ, Цицiановъ подошелъ къ нему, обнималъ и цѣловалъ Карягина и Котляревскаго, называлъ ихъ отличными, достойными, настоящими русскими; ходилъ по фронту отряда, благодарилъ офицеровъ и солдатъ, хвалилъ ихъ, употребляя въ похвалахъ настоящія русскія выраженія, напримѣръ: чудо-богатыри, молодцы, добрые православные христіане. Останавливаясь подлѣ раненыхъ, распрашивалъ съ участіемъ объ ихъ положеніи, обѣщалъ донести о чу-

дѣсныхъ подвигахъ отряда Государю Императору и исходатайствовать примѣрное награжденіе.

Кончилось тѣмъ, что всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ князь пригласилъ къ себѣ обѣдать, пилъ за ихъ здоровье, еще много разспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ похода; превозносилъ твердость, неустрашимость, отважность и хорошую распорядительность во всѣхъ дѣйствіяхъ отряда и отъ души смѣялся, слушая какъ славно егеря надували персіянъ.—Въ это-же время унтеръ-офицеровъ и солдатъ угощали также насчетъ князя Павла Дмитріевича.

Молодцы-Карягинцы были въ полномъ восторгѣ и забыли всѣ труды и невзгоды, перенесенные ими.

Такова была чрезвычайная, неслыханная встрѣча, оказанная храбрецамъ доблестнѣйшимъ генераломъ Циціановымъ, одна малѣйшая похвала котораго приводила всѣхъ въ восторгъ.

И было за что чествовать и благодарить егерей: оказавъ такіе чудеса храбрости и выносливости, они своимъ мужествомъ удержали персіянъ отъ наступленія на Грузію, вынесли на своихъ могучихъ плечахъ ту бѣду, которая грозила всему краю, спасли Закавказье отъ наводненія его полчищами сыновъ Персіи.

Въ тотъ-же день (16-го іюля), по пробитіи вечерней зари, Циціановъ отправилъ доблестный отрядъ въ Елисаветполь для отдохновенія и излеченія больныхъ и раненыхъ, придавъ къ нему для усиленія еще 70 человѣкъ того-же 17-го Егерскаго полка и 60 вооруженныхъ Карабахскихъ армянъ для указанія дороги. Пушки-же, бывшія при отрядѣ, оставлены были при войскѣ Циціанова.

Донося рапортомъ на Высочайшее имя о подвигахъ отряда, Цицiановъ заканчивалъ его такими словами:

«Самая справедливость заставляетъ меня всеподданнѣйше испрашивать у Вашего Императорскаго Величества, храбростью и мужествомъ мало себѣ подобныхъ имѣющему, полковнику Карягину шпаги съ золотымъ эфесомъ, съ надписью: «за храбрость».

Доблестному товарищу его, маіору Котляревскому, пожалованъ былъ орденъ Владиміра 4-й степени. Сверхъ этого много другихъ наградъ дано было уцѣлѣвшимъ ихъ сподвижникамъ, и, между прочимъ, Юзбаша Аванесъ получилъ золотую медаль, чинъ прапорщика и пожизненный пенсіонъ въ 200 руб. сер. въ годъ. Карягинъ-же далъ ему самый блестящій отзывъ о его высокихъ заслугахъ отряду, и Меликъ-Ванп (такъ онъ назывался впослѣдствіи) съ гордостью показывалъ этотъ отзывъ всѣмъ желавшимъ видѣть его и услышать разсказъ о славномъ походѣ Карягина...

На другой день по отбытіи Карягина, главнокомандующій получилъ извѣстіе, что Баба-Ханъ, заслышалъ только о приближеніи русскихъ войскъ, со всѣми своими силами, «какъ заяцъ» бѣжалъ обратно за Араксъ, оставя въ Карабахѣ только небольшія партіи для наблюденія за движеніемъ князя.

«Таковой-то страхъ непобѣдимыя войска Вашего Императорскаго Величества», писалъ Цицiановъ Государю Императору: «производятъ въ здѣшнемъ краѣ; а если-бы были лучше снабжены и укомплектованы, то смѣю удостовѣрительно сказать, что въ одну или двѣ кампаніи можно-бы Баба-Хана заставить молчать».

Однако, князь все таки прошелъ къ Аскаранской крѣпости, отчего Баба-Ханъ отошелъ еще дальше, въ глубь своей страны.

Такимъ образомъ, Карабахъ былъ очищенъ отъ враговъ, но въ это-же время Аббасъ-Мирза прошелъ дальше на сѣверъ и сдѣлалъ нападеніе на Елисаветполь. Впрочемъ, онъ быстро былъ отбитъ маіоромъ Кочневымъ и отошелъ къ рѣкѣ Загамѣ, гдѣ встрѣтилъ русскій транспортъ съ провіантомъ, шедшій въ Елисаветполь подъ охраной 309 человѣкъ при 2 орудіяхъ, и окружилъ его. Однако, и тутъ всѣ усилія персіянъ ни къ чему не привели: не смотря на смерть командира отряда подпоручика Донцова, храбрецы отразили атаки враговъ, а къ ночи прапорщикъ Нарвскаго драгунскаго полка Платковскій послалъ двухъ драгуновъ въ Елисаветполь дать знать о своемъ отчаянномъ положеніи.

Получивъ это извѣщеніе, полковникъ Карягинъ, только-что прибывшій въ Елисаветполь и не успѣвшій еще приступить къ излеченію своихъ ранъ, 25 іюля выступилъ усиленнымъ маршемъ на помощь транспорту съ 571 человѣкомъ.

Ко времени прихода его къ рѣкѣ Загамѣ, прапорщикъ Платковскій попался въ плѣнъ. Но нижніе чины, составлявшіе прикрытіе транспорта и оставшіеся теперь безъ офицеровъ, не согласились ни на какія предложенія непріятеля и блестяще защищались до прибытія Карягина.

27 іюля храбрѣйшій полковникъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, перешелъ рѣку Загаму, стремительно ударилъ на персидскія партіи и гналъ ихъ 3 версты. На разсвѣтѣ-же слѣдующаго дня, у самаго

транспорта, персіяне вновь встрѣтили русскихъ огнемъ изъ своихъ батарей; однако, однихъ охотниковъ оказалось достаточно, чтобы прогнать ихъ съ позиціи, а новый натискъ Карягина обратилъ весь корпусъ Аббасъ-Мирзы въ бѣгство. Лагерь его достался побѣдителямъ.

Нашъ уронъ въ этомъ дѣлѣ былъ очень не великъ,— всего 1 мушкетеръ и 3 драгуна; непріятеля-же легло очень много и въ томъ числѣ 6 хановъ, да сверхъ того раненъ былъ царевичъ грузинскій Теймуразъ, дѣйствовавшій за одно съ персіянами.

Не преслѣдуя Аббасъ-Мирзу, въ виду недостатка кавалеріи, Карягинъ тотчасъ-же повернулъ обратно съ выученнымъ имъ транспортомъ и 31 іюля прибылъ благополучно въ Елисаветполь.

3 августа вернулся въ Елисаветполь и самъ Циціановъ, а Аббасъ-Мирза ушелъ въ Персію вслѣдъ за отцемъ.

Такимъ образомъ кончились военныя дѣйствія противъ громадной персидской арміи въ 1805 году. Вся сила вражескаго удара обрушилась на ничтожный отрядъ Карягина, но какъ волны разбушевавшаго моря разбиваются о гранитную скалу, такъ разбились силы Баба-Хана о несокрушимое мужество и безпримѣрныя военныя доблести горсти егерей 17 Егерскаго, нынѣ Эриванскаго, полка.

Эти подвиги мужества и самоотверженія, приводившіе въ трепетъ и изумленіе непріятеля, казались невѣроятными чудесами въ глазахъ самихъ русскихъ.

«У васъ совершаются дѣла баснословныя», писалъ Циціанову изъ Петербурга одинъ знатный вельможа:

«слыша о нихъ, дивимся и радуемся, что имя русскихъ и Циціанова гремитъ славою въ странахъ отдаленныхъ».

И, дѣйствительно, читая описаніе этого доблестнаго похода, невольно думаешь, что читаешь описаніе дѣйствій сказочныхъ героевъ. Умерли теперь эти люди, нѣтъ уже ихъ на свѣтѣ, но жива память объ нихъ, и тѣ воинскія доблести, которыя развернулись такъ широко у солдатъ и офицеровъ 17-го Егерскаго полка и преемственно перешли къ Эриванцамъ-Карабинерамъ и Гренадерамъ, ждутъ только случая и манованія Монарха-Шефа, чтобы обнаружиться съ новымъ блескомъ и славою у нынѣшнихъ Лейбъ-Гренадеровъ Эриванскаго полка.

Карягинъ, Котляревскій и Лисаневичъ — это три члена одной и той-же славной, боевой семьи. Самый старшій изъ нихъ—полковникъ Павелъ Михайловичъ Карягинъ началъ свою службу (рядовымъ) еще въ Бутырскомъ полку въ 1773 г. и продолжалъ ее въ Кубанскомъ егерскомъ корпусѣ, въ 18-мъ а затѣмъ 17-мъ Егерскомъ полкѣ, Шефомъ котораго и умеръ въ 1807 году. Такимъ образомъ, вся блестящая 34-хъ лѣтняя служба этого славнѣйшаго Кавказскаго героя принадлежитъ Эриванскому полку, и каждый Эриванецъ долженъ свято чтить память этого знаменитаго своего однополчанина. Какъ герой, презиравшій всякія опасности, онъ имѣлъ громадное вліяніе на нравственный духъ полка, и всѣ, до послѣдняго человѣка, вѣрили въ побѣду, когда имъ командовалъ Карягинъ.

Петръ Степановичъ Котляревскій точно также есть доблестный воспитанникъ Кубанскаго егерскаго корпуса и 17-го Егерскаго полка. Сынъ бѣднаго священника Харьковской губерніи, онъ 14 лѣтъ опредѣленъ былъ (въ 1795 году) на службу въ 4-й бат. Кубанскаго егерскаго корпуса и, затѣмъ, ужъ не разставался съ своими боевыми товарищами, идя всегда впереди всѣхъ на самыя трудныя дѣла. Боевыя способности и безпримѣрная отвага быстро двигали его впередъ, и въ 1810 г. онъ былъ уже командиромъ 17-го Егерскаго полка и почти тотчасъ вслѣдъ за этимъ назначенъ былъ шефомъ Грузинскаго Гренадерскаго полка. Въ этомъ послѣднемъ званіи и въ чинѣ генералъ-маіора, онъ одержалъ въ тяжелый годъ Отечественной войны двѣ громадныхъ побѣды надъ персіянами при Асландузѣ и Ленкорани. При Асландузѣ 30 тыс. персидская армія была разбита 2 т. русскихъ, а неприступная крѣпость Ленкорань съ ея 4-хъ тысячнымъ гарнизономъ пала передъ еще меньшимъ отрядомъ русскимъ. Обѣ эти побѣды есть славнѣйшія подвиги русскаго оружія, или если мало знаютъ ихъ у насъ, то это по совпаденію съ великой Отечественной войной. На Кавказѣ же память о нихъ и о героѣ Котляревскомъ жила много лѣтъ и приводила въ трепетъ враговъ Россіи.—Но Ленкоранская побѣда дорого стоила намъ: герой Котляревскій получилъ при ней 3 раны отъ пуль и одну изъ нихъ въ лицо, раздробившую ему челюсть. Рана эта заставила его покинуть службу и до конца дней своихъ (до 1854 года) прожить въ Крыму въ большихъ мученіяхъ.—За Асландузскую побѣду онъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта и св.

Георгіемъ 3-й степени (4-ю степень онъ получилъ въ 1810 г. еще въ бытность командиромъ 17-го Егерскаго полка), а за взятіе Ленкорани—2-ю степенью св. Георгія. Умеръ онъ генераломъ-отъ-инфантеріи.

Это—знаменитѣйшій герой Кавказскихъ войнъ, имя котораго гремѣло далеко за предѣлами русскихъ странъ и, съ восторгомъ произносимое каждымъ преданнымъ Россіи туземцемъ, наводило страхъ и ужасъ на нашихъ враговъ.

Что касается до Дмитрія Тихоновича Лисаневича, то и его славная, боевая служба принадлежитъ полку отъ нижняго званія до чина полковника. Небогатый дворянинъ Воронежской губерніи, онъ дослужился до чина генералъ-лейтенанта безъ всякихъ связей и покровительства, единственно благодаря своимъ военнымъ дарованіямъ и своему мужеству. Умеръ 18-го іюля 1825 года на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Герзель-Аулѣ, вскорѣ по назначеніи своемъ командующимъ войсками на Кавказской линіи, и не извѣстно, гдѣ похороненъ.

И многихъ героевъ, подобныхъ этимъ тремъ, далъ славный въ лѣтописяхъ Кавказскихъ войнъ 17-й Егерскій—нынѣ Эриванскій полкъ!

Сочиненіе того-же автора имѣется въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ:

«ОТЪ ВЛАДИКАВКАЗА ДО ТИФЛИСА».

(Военно-Грузинская дорога)

ВЛАДИКАВКАЗЪ.—ОПИСАНІЕ ДОРОГИ.—ТИФЛИСЪ.

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Цѣна 60 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 іюня 1892 года.

2007058066